

ГЕННАДИЙ
ТРИФОНОВ

СЕТКА

тюремный роман

ИНАПРЕСС

ГЕННАДИЙ
ТРИФОНОВ

СЕТКА

тюремный роман

Александр Белеусенко
с нарисованными по-
тешаками,

Шинор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАПРЕСС

2005

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Т 69

Редакторы Н. Волкова, Н. Кононов
Художник М. Покшишевская

ISBN 5-87135-164-6

© Г.Трифонов, 2005
© ИНАПРЕСС, оформление, 2005

СЕТКА – небольшое созвездие Южного полушария, с территории СССР его не видно.

Советский энциклопедический словарь, 1984 г.

Тюрьма никогда не кончается. Это знает каждый заключенный. Ты просто попадаешь в замкнутый круг воспоминаний о ней. Воспеть мою судьбу, разумеется, было некому – что ж, пришлось самому стать своим собственным хором.

*Питер Акройд,
«Последнее завещание
Оскара Уайльда»*

Счастье не перестает быть счастьем, когда она кратко, а мысли и любовь не лишаются своей ценности из-зи того, что проходящи. Многие люди держались с достоинством на эшафоте: эта гордость должна научить нас видеть истинное место человека в мире.

*Бертран Рассел,
лауреат Нобелевской премии,
Из статьи «Во что я верю:
природа и человек».*

*Моим товарищам по ГУЛАГу –
Александру П. и Анатолию Ш. –
благодарный автор.*

«А теперь уходи»

– Ну ты даешь, сынок! Прекрати сейчас же. Мы ж договорились – без истерик. Со всем голову потерял. Вдруг кто увидит, – бурчал Сергей, выбирая сейчас такие слова, которые в эту минуту прощания со мной казались ему единственно верными. А мне становилось еще больней от того, что именно сейчас, когда вот-вот возникнет между нами пропасть между неволей и свободой, он уже не сможет себе позволить быть со мной прежним.

– Не могу. Оно само получается. Прости, Сережа...

Я плакал прямо посреди плаца, на виду у множества колючих и злобных глаз, впившихся в меня из окон бараков, из столовой, клуба, зоновской бани – из всех мыслимых щелей и дырок.

О, я знал, я чувствовал всей кожей их ненависть к себе, их готовность разорвать меня на куски сразу же после того, как Сергей скроется за железом дверей зоновской вахты. Но этот мой физический страх все же отступал, замещаясь тоской, всю последнюю неделю, а, может, и весь последний

месяц точившей мою душу. А теперь, в нескольких метрах от вахты, эта тоска сдавливала мне горло.

Мы шли в сторону бани... Сергей уже переделся в «вольную» одежду. На нем были новенькие джинсы, кроссовки и ослепительной белизны футболка с крупной красной надписью «Пепси». Волосы у него успели уже чуть-чуть отрасти и пошевеливались на теплом июльском ветерке. Я только теперь заметил, что Сережа блондин и что у него смуглое лицо, с которого, благодаря здешнему яркому солнцу, улетучивалась зоновская землистость. Господи, какой же он все-таки симпатичный парень!

Я нес его матрац с постельными принадлежностями и света белого не видел от слез и тоски. Меня только и утешало, что и ему передается мое горе.

– Сыночек, родненький, перестань, очень тебя прошу. Ты думаешь, мне легко сдерживаться? Ну, научись и ты, в конце концов, контролировать себя. Тебе еще полгода сидеть среди этих зверей. Съедят ведь. Уймись, очень тебя прошу.

– Все, все, – поспешил я ответить Сергею. – Не буду больше, никогда, честное слово. Ты только не сердись.

– Да я ведь и не сержусь. Я все понимаю. Слышишь?

– Слышу, – ответил я.

Сейчас он сдаст лагерное барахло, получит обходняк и прямиком на вахту. А там... Какие уже там прощания! И потому я, вытирая рукавом робы слезы, говорю уже самые-самые последние слова:

– Будь здоров, Сережа... Удачи тебе... И счастья... И спасибо огромное за все.

– Это тебе спасибо за все, – отвечает Сергей, сжимая мою ладонь в непривычном для меня с ним рукопожатии. – Я бы здесь без тебя сдох бы. А ты, – продолжает он, – держись, очень тебя прошу. Как бы тяжело не было – держись. Осталось-то ведь совсем пустяк. Сохрани себя и останься человеком.

Мы обнимаемся... Я успеваю украдкой, очень неуклюже, чмокнуть его куда-то в ухо.

– А теперь уходи. Не рви душу.

И я иду, не оглядываясь и уже не сдерживая глухих рыданий... До конца срока мне остается ровно полгода и семнадцать дней.

Впервые в «Крестах»

Осень 76-го года была очень холодной. И хотя «Кресты» отапливались, мы все же добились вторых одеял, ежедневно донимая корпусного своими заявлениями (в тюрьме чувство справедливости очень обостряется, вы не замечали разве?).

В камере нас было двенадцать человек, но камера была просторной, рассчитанной на 16 человек. Это от того, я думаю, что в те годы борьба с преступностью велась только на бумаге. И поэтому на тюрьмах не было еще того бардака, какой сейчас творится. Люди спят по очереди, в три смены, курева нет, еда паршивая. А тогда и кормили сносно, и ларек был, и дачки нормальные, как теперь сказали бы – «пизда-тые». А на малолетке – и молоко и конфеты. Только на малолетке эти конфеты жевать и молоко сосать – не дай Бог. С малолетки на общак поднимаются уже не люди – или зверье законченное, или инвалиды окончательные. У нас тут – еще ничего, а посмотрели бы вы на взросляк на Урале. Жуть.

Все мы – вся наша камера – ждали этапа на «химию». Скорее всего, в Череповец. В ожидании тусовались по камере. Нас даже на прогулку не выводили – из-за холода и дождя. Мы лепили из хлеба, почему-то всегда сырого и кислого, шашки, а огрызками карандашей изображали на смятых тетрадных листках «морской бой». Скука невероятная, впечатлений – ноль.

Но сейчас я расскажу, как я в тюрьме очутился. По глупости? Ну да. А что, разве бывают варианты? Я в своей жизни ничего не украл (впрочем, ой ли?!), никого не уда-

рил (уж это точно!) и уж тем более не убил. Все получилось по-дурацки, что и вспоминать-то стыдно. Ну так вот.

Мои «прогулки»

Весной 76-го я напился до бесчувствия у соседки на дне рождения и решил почему-то пойти на улицу «проветриться», «прогуляться». А прогуливался я обычно так – чистил по ночам чужие машины. Ну, там колеса, стекла, зеркала снимал, магнитофоны, приемники... Все потом загонял за бесценнок на толкучке за «Гигантом» – там еще всяких птичек-рыбок продают, кроликов, щенков. Там и ментов-то никогда не бывало. Короче, все было ништяк.

А та ночь для моих «прогулок» выдалась что надо – мокрый снег с дождем, ветер. Так в Питере по весне часто бывает.

Пару машин я вскрыл прямо у нашего дома (я жил на Просвещения, и тогда там новостройки еще только начинались). Вот идиот-то! Ведь говорил мне Кирилл – мой приятель еще по старому двору на Васильевском: «Не воруй там, где живешь, и не живи там, где воруешь». Кирилл и вообще с головой, поэтому, так я думаю и так думают все наши ребята, он и живет припеваючи. А мне, пьяному, море по колено, и вообще.

Машины мне в ту ночь все какие-то паршивые попались – никакого улова. Вот я и пошел «гулять» по соседним улицам. А там – голяк. И я решил идти домой. Ах да, совсем забыл. В сумке-то у меня все же кое-что уже лежало – из одного сраного «Москвича» я приемник взял. Иду домой. И вдруг вижу «Запорожец». Стоит он на проезжей части. И в замке зажигания ключи торчат. И непонятно: то ли машину угнали и оставили, то ли хозяин – придурок. Но раз машина открыта и ключи есть, грех не воспользоваться. И значка на стекле, что машина принадлежит инвалиду, нет. Иначе бы я не полез.

Водил я в свои семнадцать лет уже неплохо – любовь к этому делу была у меня, что называется, в крови. Правда, до этого момента пьяным я за руль не садился.

Положив сумку с добычей на заднее сиденье, я повернул ключ – бензина было ровно полбака. И я, дурак, не придумал ничего лучше, как прокатиться к себе в деревню с тем, чтобы вернуться домой под утро, а машину бросить где-нибудь возле того места, где я ее «нашел».

Из Питера в наши Синяки я знаю по меньшей мере пять дорог, где нет постов ГАИ. И все бы было хорошо, если бы я на одной из дорог не врезался на полном ходу

в земляной откос. У меня ни единой царапины, а у машины переднее колеса заклинило наглухо. Я же, кретин пьяный, вместо того, чтобы «делать ноги», стал пытаться эту сраную машину чинить: возиться в моторе – моя слабость.

Пока я возился в темноте с этой дурацкой машиной, я не заметил, как подъехал таксист (как он здесь в это время оказался, ума не приложу!). Он все сообразил и по своей рации вызвал ментов. А мне, гад, и слова не сказал. Ну, а дальше все пошло как по маслу – скоро и быстро. Дело я фактически сам себе сшил, следовательно только страницы нумеровал и мою подпись, где надо, требовал. Следователь оказался личным человеком – два месяца меня под подпиской держал. Да и куда бы я делся! Но наговорили на меня прокурору всяких гадостей, тот и решил меня до суда в тюрьму упрятать, «на всякий случай». Так я очутился в замечательных «Крестах».

О «Крестах» этих распрекрасных и так уже все всё знают. Так что я ничего новенького не сообщу. О «Крестах» и вспоминать то противно. Единственная тюрьма, которая мне более-менее понравилась, если тюрьма вообще может понравиться нормальному человеку, так это пересылка в Вологде, хотя конвой вологодский – брррр.

Повезли меня на суд. Дело слушалось часа полтора. Прокурор встал. Сказал. Сел. Между «встал» и «сел» успел попросить суд дать мне три года общего режима. Адвокат – это мать его наняла – какие-то слова обо мне хорошие стала говорить. О моем трудном детстве и все такое прочее, даже вспомнила, что я в нашей путяге старостой группы был. А судья на это и говорит: «Воображаю!» Дали мне последнее слово. Я дурачком прикинулся: «Простите меня. Я больше так не буду». Суд удалился на совещание. Минут через двадцать вернулся с результатом своего воображения – два года «химии». Это мое трудное детство так на них повлияло. Из зала суда я в «Кресты» возвращался, посвистывая.

Казалось бы – что тебе, придурку, еще надо?! Тем более что мать выпросила у начальника СИЗО для меня «химию» на... «Красном треугольнике». Штопай себе презервативы или боты лей, и никаких трудностей. После смены – домой, даже в общаге на Охте появляйся только два раза в неделю для регистрации. Интересно, во что эта моя резиновая «химия» матери обошлась? Она мне до сих пор об этом не говорит. Только я знаю, что она две зимы в осеннем пальто бегала и без сапог теплых,

в одних только туфлях на микропорке. Жуть. Да, я еще забыл сказать, что у отца той соседки, у которой я тогда напился, кум был замначальника УВД. Так что с ее помощью я и вообще про общагу забыл.

А через месяц открылось, что этот самый кум попался на взятках. «Треугольник» мой вместе с ботами накрылся, и меня перевели на «химию» в Невскую Дубровку, на мебельный комбинат. Пробыл я на этой «химии» ровно сутки, а утром – на электричку и домой. Матери ничего не сказал, да ей и спросить-то меня не было времени. Я на порог, а она на вокзал в Киев, на похороны дяди Гриши, ее родного брата.

Две недели я жил дома – спал сколько хотел, гулял, никого не боялся. Через две недели, как раз перед октябрьскими, забрали меня среди ночи, прямо из постели. Пообещали отвезти снова в Невскую Дубровку – капитан, сука, еще «слово офицера» дал. Но отвезли в любимые «Кресты» – в любимые, в родимые. Там меня в камеру из собачника только на десятые сутки подняли. А до того парился я в подвале среди бомжей, вшей и крыс. Таких как я «химиков» было в этой парилке семь человек. Я все надеялся, что за мной – ну и за всеми остальными, конечно, – придет автобус, и нас отвезут на «химию». Автобус и в самом деле пришел. Но не за мной. За

мною приехал «воронок». Повезли на суд.

На суде «химию» заменили на общий режим – лагерь, зона. И все. Давай, родимый, вперед по жизни широкими шагами, а иногда и прыжками. Так я снова оказался в «Крестах» перед этапом.

Пока я ждал этапа на зону, моя мать из Киева вернулась и натурально обалдела. И начала новые хлопоты по вызволению меня из «мертвого дома», то есть не из «Крестов», конечно, а для того, чтобы я не оказался в зоне. Что такое зона, мать знала не понаслышке, а из разговоров о лагере между покойным дядей Гришей (он отмотал шесть лет еще при Хрущеве, кажется, за то, что избил милиционера) и моим дедом по отцовской линии (мой отец три года тому назад умер от сердечной недостаточности). Дед же строил Днепрогэс в качестве раскулаченного «комсомольца», но еще до Днепрогэса просидел из десяти своего срока пять лет в лагере на Вишере – это в Соликамске. Уж о чем они там меж собой говорили, я не знаю, – маленький был, но помню, что мама все время плакала, а девчонкой еще к дяде Грише на свиданку ездила – как раз перед замужеством. Так что было матери от чего приуныть, когда ей сообщили, что я в тюрьме, и меня скоро отправят на зону.

Она побежала к начальнику СИЗО,

принесла ему кучу справок о своих болезнях с одной только просьбой – оставить меня в «Крестах» в хозобслуге. Мотивировала тем, что по состоянию здоровья будет тяжело ездить ко мне на свидания. Ей, как говорится, «пошли навстречу». Но что самое интересное, меня при этом никто ни о чем не спрашивал. Просто взяли в один прекрасный день, дернули из общей камеры и повели в корпус хозобслужги.

А дело в том, что по тюремным понятиям находиться в х/о считается если и не самым страшным грехом, то по крайней мере – достаточно серьезным. Короче, запахло. Но как бы там ни было, оказался я в этой х/о. Работал я там в строительной бригаде, потому что по специальности я штукатур, плотник-облицовщик, вот меня туда и определили.

«Хозобслуга»

Конечно, бытовые условия там намного лучше, чем в зоне. Кормили хорошо, всегда чистая постель, везде порядок и чистота (руками самих зэков, конечно). Библиотека в «Крестах» хорошая. А среди жилых камер для хозобслужги имеется большая такая комната с телевизором и скамейками и всячей по стенкам наглядной агитацией

типа «На свободу с чистой совестью!» Так вот, эта комната почему-то называется «Ленинской». Может быть, потому что в углу, на деревянной пирамиде, обтянутой красной тряпкой, стоит маленький такой бюстик гражданина Ульянова. Он что, тоже в «Крестах» в хозобслуге был? Наверное – был. Где он, бедолага, только не был! Все о народном счастье хлопотал. Вот и схлопотал хозобслужу.

Всех этих понятий зонавских в х/о не было и в помине. Но это только одна сторона медали. А другая – в том, что в х/о дисциплина, как в армейской казарме. Курить строго в отведенных местах, то есть в сортире. Малейшее нарушение – в зону. Поэтому все в хозобслуге за свои места держатся, и каждый на каждого «стучит». Просто ужас какой-то! Ну, а контингент хозобслужу этой и вообще кошмарный. Зоны боятся пуще атомной войны. И сроки у всех не меньше пяти лет. Я и не спрашивал, кто за что сидит. Об этом как-то само узнается, я не из любопытных. Только знаю, что один был из Гатчины. Он мешок зерна в совхозе или в колхозе украл. Другой, из Окуловки, напился и трактор утопил. Ну, и так далее. А что такое показательный выездной суд, чтобы другим неповадно было, я сейчас кратко объясню. Человек на таком суде получает «на всю катушку», то есть максимальный предусмотренный данной стать-

ей УК срок. При этом тяжесть содеянного и размер причиненного ущерба значения не имеют. Я знал парня, который на мотоцикле государственного гуся задавил. Получил пять лет. Гусь-то – государственный!

Ну в общем, не выдержал я долго этого дурдома в хозобслуге. Стучать я, конечно, не стучал, все только на меня стучали (я не стану сейчас говорить о том, что я творил в этой х/о, это все не так уж и важно. Да и вообще мой рассказ не о том). Скажу только, что после многочисленных, как было написано в сопроводилровке, и грубейших нарушений режима содержания в СИЗО меня и еще нескольких таких же распиздяев начальство решило убрать в зону, чем я, например, был вполне доволен. Правда, я тогда подумал о матери – как она, несчастная, все это переживает. Мне стало стыдно. Но я был молод еще, очень молод, а молодость и жестокость – вещи, увы, близкие. И вот за три дня до нового 1977 года меня «дернули» на этап. Сопровождавшая меня характеристика и определила географию конечного пункта.

«Этап»

Первоначально нас сунули в «стакан» или, правильней, в «собачник» – «стакан» это нечто другое. И в течение дня по 5–10

человек отправляли в Яблоневку. Мне же, как всегда, везет больше всех. Уже под вечер меня сунули в «воронок», отвезли с парой «полосатиков» на Московский вокзал, сунули в «столыпин» без еды, без крошки хлеба, повезли на Урал.

Описывать этот кошмарный этап в Березники я не буду – нету сил снова об этом даже подумать. Скажу только, что кантовался я по дороге в эти распрекрасные Березники по пересыльным тюрьмам Вологды, Вятки, Перми и даже Соликамска, куда меня завезли по ошибке и где продержали в сырой и темной камере с селедкой и водой без хлеба трое суток. Так что в Березники я попал с температурой, почти без голоса и без единой теплой вещи. Оформлявший нас в зоновском карантине офицер, глядя на меня, даже глаза выпучил: «Ты что, из Бухенвальда к нам, что ли?».

Из Соликамска в Березники вообще-то поезд идет. Но нас человек сорок, почему-то, решили «для проветривания» везти туда в крытой брезентом военной машине. А мороз, скажу я вам, был уже солидный – градусов 25.

Нас загнали под самую кабину, приказали сесть на пол (я оказался при погрузке самым последним). Возле меня уселся солдат с собакой и с автоматом. А собака эта – настоящий волкодав – уселась, гадина, сво-

ей задницей прямо мне на ноги. Так я с этой собакой и с дулом автомата в затылок и ехал до самой зоны, боясь пошевелинуться. Я с тех пор, когда овчарку вижу, шарахаюсь в сторону.

«Приехали»

Стоп. Приехали. В «конверте» – это что-то вроде шлюза, куда машины с зэками заезжают – нас выгрузили (а собака эта глупая меня напоследок даже лизнула, а могла бы и нос откусить), построили и т.д. Перекличка. Напутственное слово хозяйина – им оказался низкорослый толстущий майор с буденовскими усами. И повели в баню. Ура!

Перед баней был генеральный «шмон», то есть стали нас обыскивать. «Отмели» практически все, кроме сигарет и продуктов, у кого они еще оставались. Мне было легче всех – был гол как сокол.

Помылись, получили робу, матрац с подушкой – и в карантин, спать. Я так крепко ни разу в жизни не спал. «Подъем!» только с третьего раза услышал, да и то посредством пинка в жопу, произведенного нашим «воспитателем» – молодым прапорщиком.

К моменту нашего распределения по отрядам – их оказалось десять по полторы

сотни зэков в каждом – о моем пребывании в тюремной хозобслуге уже было известно. Работает же зэковская почта! Да я, впрочем, и не скрывал. Я ведь сам из «Крестов» в зону напросился.

В отряде на меня не «наезжали», но и особого авторитета я не завоевал. Я был совершенно одинок, без поддержки земляков, поэтому и сам старался не заводить ни с кем никаких контактов. В зоне ведь, чтобы начать жить, надо хорошенько осмотреться, почувствовать собственной кожей ее нерв, явные и тайные механизмы, приводящие в движение как отдельных людей, так и все их сообщество. Это трудная, очень трудная наука, но чем скорее ее постигнешь, тем легче будет тянуть срок «с понятием».

По натуре я человек открытый, эмоциональный, шумный и веселый. Мне нужно, чтобы вокруг меня все кипело, бурлило. Одиночество для меня – острый нож, я очень тяжело переношу одиночество. А в зоне одиноки все, и каждый по-своему, и никто друг в друге не нуждается, если говорить о человечности, о дружбе, о взаимопомощи, то есть о тех понятиях, которые формируют человеческие отношения, наполняя их смыслом, терпимостью, теплом на воле. Это я уже после зоны постиг, что на воле гнилости и подлости даже больше, чем в лагере. Подлость на свободе об-

ставляется разными картинками – картинками разных цветов и оттенков. А в зоне – все черно-белое, и потому понятное. В зоне ты виден весь, насквозь. А на воле? Вот почему в зоне я как-то сразу свернулся в улитку. Я всех боялся, я боялся собственных слов, никому не доверял и никого не подпускал к себе. Это я уже где-то позже прочитал, что лагерный опыт – опыт целиком отрицательный. А если – нет? Пусть вы – живущие на свободе, считаете нас злыми, опасными, не стоящими доброго слова, которых надо бояться, но здесь нас много, и мы думаем друг о друге иначе. При всей кажущейся простоте и даже однообразии лагерной жизни она, эта жизнь, богата важными для заключенных оттенками, которые тем незаметнее, чем однообразнее лагерная жизнь.

Кто-то свыше диктовал мне правила поведения в зоне, поэтому я понимал, что внешне я должен быть «как все» и не должен показывать виду, что кисну. Иначе те, кому еще хуже, додают, добьют, дорвут мою душу на куски, и мое тело умрет прежде меня.

«Так вот об этой сетке...»

Когда из карантина нас распределили по отрядам, а в отрядах – по бригадам, то уже на следующий день вывели на работы. В

принципе в каждом из цехов промзоны работа заключенных была связана с металлом. А в нашем – в особенности.

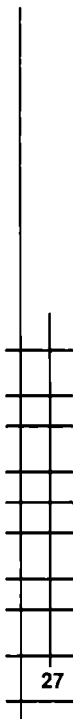
Вы когда-нибудь, например, задумывались над тем, как изготавливают металлическую сетку? Какую? Простую, самую простую. Ту, которой садоводы пользуются как изгородью, обнося ею свои сотки, крепя ее на столбы. Ту, которую натягивают на рамы кролиководы и прочие натуралисты. Да мало ли где и на что ее используют. Человечество придумало решетки и сетки не из боязни зверей, а из страха перед самим человеком. Он и есть самый лютый зверь, потому что человек часто нападает на другого человека, не защищаясь и обороняясь, но совсем с другими намерениями и целями. Животное вас не ограбит, не оскорбит, не унизит ни при какой погоде, если только вы не посягнете на его существование и на жизнь его потомства. А человек может без всяких видимых причин истребить другого человека. Люди занимаются этим со времен Адама. И если человечество до сих пор еще украшает нашу планету, то, по-моему, только потому, что среди нас появляются порой люди, способные сопротивляться злу и насилию. Так и в зоне. Впрочем, что-то меня на философию потянуло.

Так вот о сетке этой. Я до того, как сюда

попасть, тоже о сетке не задумывался. Сейчас я опишу, как ее изготавливают. Но чтобы все понять, это надо испытать или хотя бы увидеть. А может, и не надо...

Короче, «станок» – это прямоугольный угол, с торца к нему прикреплен «механизм» – две шестеренки, одна побольше, с ручкой, а другая – другая примерно вдвое меньше. Меньшая соединена со специальным приспособлением, через которое пропускается обычная проволока. Когда крутишь ручку, проволока, пройдя через это приспособление, превращается в зигзагообразное звено сетки. Откусив кусачками два метра, дальше переплетаем второе звено с первым. Вот и получилось 10 см сетки – один ромбик, то есть ширина два метра, а длина – все те же 10 см. Это только две проволоочки. Вот так, проволочку за проволочкой, крутим, пока не выйдет бухта – рулон длиной в десять метров и шириной – два.

За смену, а это часов 9–10, надо накрутить целую бухту плюс семь с половиной метров. В конце смены руки – пальцы в особенности – ноют, спина гудит, глаза ничего не видят, кроме этих проклятых ромбиков. От металлической пыли трудно дышать. А от холода в соприкосновении с металлом, если работаешь зимой, и вообще все тело превращается в железо. И так – день за днем, месяц за месяцем, год за годом. И вот что

удивительно: чем меньше срок, тем все это невыносимее. У кого срок больше пяти лет и кто хоть кое-как с головой и с руками, тех начальство устраивает на производительные работы или даже на халявные. Если, конечно, у тебя от земляков, которые сидят уже давно и при деле, есть поддержка. А у меня вся поддержка – куцый ремень на штанах, да и тот разъезжается от возраста: ремень этот я в бане на курюху выменял у банщика.

Известно, человек привыкает ко всему на свете. Правда, к хорошему он привыкает быстрее. А плохое – умеет заставить себя не замечать это плохое. Я постепенно привыкал к худшему, потому что срок мой еще только начинался, и что и как будет со мной в лагерной жизни, еще не ведал, да и думать об этом не хотелось. Так продолжалось месяцев четыре-пять. Я уже находился на пределе и не знаю, что было бы со мной, если бы не случай, круто изменивший всю мою лагерную, да и последующую жизнь. Но моя последующая жизнь – это уже другая тема для других ушей.

«Ширпотреб»

Кроме этой сетки мы выпускали еще очень много разной продукции. Был в нашем цеху механический участок – токар-

ные, фрезерные, сверлильные станки. Все станки были в таком состоянии, что об этом лучше промолчать. Но ради собственной безопасности сами зэки – из года в год – ремонтировали их, за ними следили и ухаживали, как за любимой девушкой.

Что такое знаменитый лагерный ширпотреб, я думаю, все знают. У нас в лагерях и тюрьмах пересидела половина населения страны, не самая худшая, надо сказать, половина. А другая... Недаром наш замполит, когда я освобождался, увидев мое нетерпение, на полном серьезе сказал мне: «Ты, Короленко, на волю не спеши. Раньше выйдешь – раньше сядешь». А замполит в зоне – главный наш воспитатель, он зэку – после кума и хозяина – отец родной. Так что, как говорится, я дико извиняюсь.

В лагере, на промзоне, делается все – от мундштуков и разных безделушек, до охотничьих ножей отличного качества и высокой художественности. В Питере недавно даже выставка зэковских поделок проходила – от мебельных гарнитуров до микроволновых печей. Народ дивился собственной гениальности!

Так вот, в каждой зоне есть один-два заключенных, которые этот пресловутый ширпотреб делают на самом высоком уровне и для самого высокого уровня: я слышал, что у начальника Пермского УВД и кабинет, и

квартира, и дача обставлены мебелью, произведенной по индивидуальному заказу зоновскими индивидуалами. Этих индивидуалов высококлассных начальство бережет, потому что ими кормится. Они – лагерная элита, и заслуженно, между прочим. Им все или почти все можно. Был у нас в отряде на всю зону единственный такой золотых рук мастер – Сергей. И фамилия-то у него была прямо подходящая для его профессии – Образцов. Ну, как у знаменитого кукольника.

Руки у этого Сергея были удивительные и голова светлая. Половине зэков он поставил зубы (коронки, конечно, потому что в зоне зубы не вставляют, их там вышибают) из технического металла или даже из настоящего золота – тому, кто хотел и мог заплатить. Забегая вперед, скажу, что и мне однажды Серега поставил коронку из чистого золота: «Носи и помни».

Хороший охотничий нож Сергей делал за неделю. О наличии же в УК статьи, предусматривающей суровое наказание за изготовление холодного оружия, наши воспитатели как-то вдруг все разом позабыли. С этими замечательными ножами Серегиными они – и прапора, и офицеры – ходили в тайгу на охоту. Они по пьянке об этом сами говорили.

«Передовики производства»

Сергея числили токарем. Именно числился. Плановые детали он никогда не делал. Занимался только своим ширпотребом. Поэтому и отношения у него с мастерами и оперативниками были хорошие. Если кому-нибудь из них требовалась какая-то деталь, запчасть к мотоциклу, автомобилю, или еще что – все шли к Сергею. Он им все делал в самые сжатые сроки и всегда отменного качества. Поэтому на все его делишки (способы поработать самому на себя) закрывали глаза. Но мент – он и в Африке мент. Поэтому эти самые суки, которым Сергей сегодня делал ножи, завтра преспокойно могли закрыть его в ШИЗО суток на 10 и даже 15, «для порядка». И вот однажды за какую-то очередную «провинность» его выгнали из токарей, запретив даже близко подходить к механическому участку, и перевели в нашу бригаду, на злополучную сетку. А сетка считалась самым страшным наказанием.

Мы же в бригаде к тому времени, измучившись допотопностью имеющейся технологии, нашли способ облегчить свою каторгу. Мы приспособили электродвигатель в качестве привода и руками уже ничего крутить не надо было – только нажимаешь ногой на педаль и кусай кусачками, все

остальное «делалось само». За подобные рацпредложения нормальные люди с нормальными условиями труда премии получают. Но здесь случай особый.

Разумеется, производительность при этом подскочила в 2,5 раза. При норме две бухты можно было за смену спокойно накрутить пять. Но мы были еще не совсем идиотами. Как крутили две, так и продолжали. Иначе норму бы нам подняли немедленно. Однако счастье это, как и любое другое счастье, не бывает долговечным. Через какое-то время мастера все «просекли» и, естественно, норму подняли. А в промежутке «просекания» к нам Сергея как раз и перевели — «на перевоспитание».

Он, естественно, за время своего «перевоспитания» в нашей «умной» бригаде к сетке не имел никакого отношения. Он по-прежнему тихо занимался своим ширпотребом и спал за станками, соорудив себе постель — что-то вроде дивана — из старого матраца и нескольких бушлатов. Что и как писали ему в нарядах относительно нормы, никто не знал. Но что-то, видимо, не то писали. Он на разборки не пошел, а подошел однажды ко мне и попросил — именно попросил, по-человечески, без угроз и наездов лагерных — сделать за него норму. Разумеется, не бесплатно. В лагере это совершенно нормально, когда заказчик-ра

ботодатель не вор и такового из себя не корчит. Так, как поступил Сергей, мог поступить каждый, кто способен заплатить. Сигаретами, чаем, продуктами, ларьком, шмотками и даже деньгами (в зонах денег, я думаю, побольше чем в сберкассах). Цены на то время были стабильными, откуда они брались – ума не приложу. И никто не имел права ни увеличивать их, ни снижать. Ну и я, конечно, согласился – курить-то охота, да и чайку попить лишний раз. А в карманах моих ветерок гулял. Откуда у меня деньги – от сырости? Станок мой был отрегулирован отлично – знай нажимай да откусывай. Свободно можно было накрутить две нормы и еще одну бухту, которую опять же можно было продать. Таким вот образом я впервые столкнулся с Сергеем Образцовым.

«Сергей Образцов»

В лагерной иерархии Сергей занимал довольно высокое положение. Он был независимым, влиятельным и авторитетным парнем. С его мнением считались в зоне буквально все. У нас в отряде его боялись как огня, хотя я не помню случая, чтобы он зверствовал или кого-нибудь унизил. Просто так уж, видимо, устроен советский зэк, что ему необходимо перед кем-нибудь

пресмыкаться, кого-нибудь бояться и над кем-нибудь издеваться. Если не ты, то тебя. Все просто, как пойти на хуй (в зоне это и вообще не проблема). Но именно в лагере, в тюрьме каждый заключенный способен определенным образом реагировать на чувство собственного достоинства другого зэка, если оно имеет под собой твердую почву и основано не на физическом превосходстве, а на каких-то иных качествах и свойствах, но, конечно, дополняемых и физической силой лагерного авторитета. Если заключенный не подлец законченный, умен и авторитетен, то он свое физическое превосходство способен употребить не только для самозащиты, но и для защиты слабейшего, попавшего под его покровительство по тем или иным причинам.

Конечно, Сергей не был чрезмерно человеколюбив и гуманен – не тот случай. Он был дерзок и нагл как танк, когда того требовали обстоятельства. Он был спортивен, а значит, и силен. Выражение его лица было всегда одним и тем же – непроницаемым, и никогда нельзя было в точности сказать, в каком он настроении и что у него на уме. В лагере правильно выбранная маска и верно избранная социальная роль – залог выживания, самосохранения, независимости и уважительного к себе отношения твоих товарищей по несчастью и лагерной ад-

министрации. Теперь это называют «имиджем». Можно, конечно, и так сказать, коль скоро магазины превратились в «шопы».

Сергей был чуть выше среднего роста, но при этом великолепно сложен и потому казался выше, изящней, он и двигался с небывалым артистизмом. По утрам в любое время года, когда не слишком донимала его работа, он, надев спортивный костюм, бежал по плацу. Хотя все бараки были в зоне локализованы, то есть даже отряды имели свои локалки, он был единственный в лагере, кому разрешалось бегать в вольной одежде по плацу. Да и одет он всегда был аккуратно, чисто, всегда был подтянут. Таким и в цех приходил, снимал повседневку и переодевался в робу. А большинство так в своем и ходило круглые сутки, от бани до бани.

Взаимоотношения с зэками всегда были у него жесткими, но при том ему было свойственно обостренное чувство справедливости. Он и пальцем не тронул никого, кто этого не заслуживал или сам не нарывался на кулак. Держался он, я уже сказал, с достоинством и даже с некоторым высокомерием, как бы подчеркивая свою исключительность и обособленность в этом мире. Таких «крутых» у нас в отряде, кроме Сергея, было еще двое. Они, конечно, не работали – запахло. Придерживались воровских законов и понятий, и мне кажется, что хотя

и были они – все трое – земляками, Сергей их внутренне презирал. Он плевать хотел на эти понятия и зарабатывал себе на сносную жизнь в зоне собственными руками. Жили они втроем, в одной «семье» – чтоб не пропасть по одиночке.

Сергей зарабатывал ширпотребом, а Виталик с Костей дурили всех желающих «обдуриться» – картами, нардами, шашками, домино, даже шахматами, хотя оба играли скверно. Я в их сторону не лез, несмотря на то, что играю в шашки и шахматы прилично. Впрочем, «приличие» меня бы и сгубило бы, если бы у меня не хватило ума туда не лезть. Сергей мне потом говорил, что именно тогда он наблюдал за мной, и эта моя осмотрительность ему во мне понравилась.

Я же все крутил и крутил сетку, пока Сергей у нас «перевоспитывался», за себя и «за того парня». Сказать, что между нами возникли приятельские отношения, я не могу. Он уважал и умел уважать и ценить чужой труд, по его результату ко мне и относился. Платил он за работу сигаретами, которых мне хронически не хватало. Сам он, между прочим, курил мало, но примечательно было то, что закуривал Сергей именно тогда, когда бывал в добром настроении. В минуты ярости, тоски – бывало и такое! – он, как правило, не курил. И не пил

никогда, хотя вся «крутизна» в зонах пьет почти ежедневно – деньги в зоне вертятся, деньги немалые, а мастера и даже прапора, а иногда и отрядные, если отрядный в тебе заинтересован, всегда пронесут в зону хоть танк. Только плати.

Иногда, видя, что я зашивался с моими и его сетками, он приносил мне прямо к станку полкружки крепчайшего чая – утром, когда мы работали в 1-ю смену, и ночью, под конец смены, когда шли во вторую. А на бараке мы почти не общались.

Я продолжал жить своей уединенной жизнью и сам рвался в цех, потому что работа, особенно такая монотонная, отвлекала от мыслей, от воспоминаний, от «вольных» мечтаний, как бы сокращала, сжимала время. А это и требовалось в оконцовке. Все, что было относительно интересным в лагерьной библиотеке, я к тому времени уже проглотил. А... Забыл сказать. Библиотекарем у нас был смешной парень. Он в зону угодил прямо из армии – поколотил офицера. Звали нашего библиотекаря Вася Пономарь. Вася был добр, простодушен и, кажется, вообще не умел читать. В библиотеку его определил замполит: «Писать не умеешь, так хоть читать учись. Писателей и без тебя что собак». Я по материнской линии сам хохол, а Вася Пономарь – из-под Киева. Только с ним я в зоне и общался, да иногда с

земляками-ленинградцами, которых у нас было человек пять. Так, ничего особенного, забегу иногда чайку глотнуть и Питер вспомнить. Земляки были мои однолетки, в зону попали по хулиганке, а на Урал — как злые нарушители режима в Яблоневке. Но здесь они тихо тянули свои сроки.

Сергея боялись все. Боялся и я. Поэтому я и избегал лишний раз с ним встречаться, даже в цехе. Он скажет — я буркну в ответ «да». И опять кручу любимую сетку. Но что-то во мне само собой начинало подниматься против этого страха. Что именно, я еще не осознавал, и если являлись на эту тему мысли, я их гнал от себя. Но по ночам эти мысли сами на меня накатывались и не давали, несмотря на усталость, заснуть. Я сердцем, наверное, чувствовал, что Сергей совсем не такой страшный и грозный, каким хочет казаться и кажется всем остальным. Протягивая мне кружку или банку с чаем или сигареты, он, загадочно заглядывая в мои глаза, улыбался мне по-дружески, с готовностью завести со мной какой-нибудь разговор, услышать меня, мои слова, мой голос. И тогда я отворачивался от его взгляда, изображая из себя передовика производства. Иногда Сергей дотрагивался до моего плеча — едва, чуть-чуть, и тогда я вздрагивал, и кусачки выскакивали из моих рук и с грохотом падали на пол. Тог-

да Сергей наклонялся их поднять, а подняв, протягивал мне, смеясь, со словами: «Так и ноги сломать недолго, сынок». И, еще раз улыбнувшись, выходил из цеха.

Такое продолжалось целый месяц. Но затем администрация «смилоствилась» и соблаговолила вернуть Сергея в токаря. Причины такой «милости» прозрачны. Я же по этому поводу очень расстроился: надобность во мне у Сергея отпала, и я стал продолжать тянуть всю эту резину от одной бухты к другой.

На работе меня никто не трогал, никто не доставал, а в отряде – тем более. Нашему «козлу»-бригадиру Сергей, когда тот возник по моему поводу, сразу же пасть заткнул: «Королю (такая у меня кликуха вдруг на зоне появилась благодаря моей фамилии) давать лучшую проволоку и пальцем не трогать. Увижу – убью».

Мастера, те и вообще не вникали в проволочные дела. Им лишь бы план, а кто за кого что делает – им до фени. Я преспокойно накручивал четыре бухты за смену и еще оставалось время, чтобы спокойно побродить по цехам, залезть на водонапорную башню и посмотреть на волю или сходить в соседний цех к землякам.

Однако с уходом из бригады Сергея «козел» начал снова на меня наезжать без причины – он все не мог успокоиться, что я в

хозобслуге был на тюрьме. Вот мразь-то поганая! И я снова приуныл. И с Сергеем я больше не общался, да и он, видать, забыл о моем существовании. А срок у меня впереди еще был длиной в год. Конечно, год – не срок даже, но его ведь тоже прожить надо. Но вдруг произошло чудо. Ну, это мне тогда казалось, что это – чудо. Все было Сергеем четко спланировано, расписано в голове и просчитано до мелочей и деталей.

«Ночной разговор»

Недели через две после своего возвращения в токаря Сергей как-то подошел ко мне на бараке. Я сидел на своей шконке, пришивал пуговицу к бушлату. Он и говорит – спокойно так говорит:

– Саша, надо поговорить.

Поскольку все в нашей бригаде обращались ко мне не иначе как по кличке моей – «Король», а Сергей – тот всегда только по имени, то я этому не удивился. Но все равно побелел от страха, а он, увидев мое недоумение и страх, улыбнулся, как уже бывало. Но в моем мозгу пролетело: «А из-за чего, собственно, я должен перед ним дрожать? Грехов за мной нет. Живу сам по себе, никуда не лезу, знай вяжу проклятую сетку».

– Саша, ты меня слышишь, а?

– Да. А что?

– Да не дрожи ты как осенний лист. Подойдешь ко мне после отбоя в каптерку. Я чай заварю, «индюху», есть печенье. Договорились?

Я вообще ошалел: чай, печенье – ну и дела! За какие такие заслуги? За сетку свою он давно со мной рассчитался. С чего бы это? Но Сергей снова улыбнулся – и я успокоился:

– Договорились.

До отбоя оставалось еще часа полтора. Люди, у кого еще были силы, слонялись по бараку или готовились в ночную смену. Остальные уже лежали на своих местах – кто спал, кто писал письма, кто гонял чай, а кто, как я, приводил в порядок свой лагерный гардероб. Лампочки в бараке тусклые, видно плохо к вечеру и почти ничего не видно ночью, да еще и нары двухэтажные. Я уже давно спал на нижней шконке, и в этом были свои минусы: пока был наверху, мог хоть почитать, а теперь – нет. Так что я, пришив пуговицы, лег поверх одеяла и ждал послеотбойного часа.

Когда я вошел в каптерку, там сидели и чифирили Сергей и его «семья», да, еще каптерщик – уже немолодой мужик с большим сроком за то, что, застав жену с молодым парнем, заточил ее в чулан и продержал там месяца три. Так вот его посадили – как бы вы думали, за что? – за незаконное лише-

ние свободы собственной жены и за жестокое с ней обращение. А того парня он сильно поколотил, так что плюс телесные повреждения. Каптерщик был неразговорчив. Он уже отсидел половину срока и готовился – за примерное поведение и честное отношение к труду – к условно-досрочному освобождению. «Вот выйду, – как-то сказал он, – я ее, проститутку, и вообще замочу в сортире». Короче, встал он, бедолага, в зоне на путь исправления. Так ведь и напишут в характеристике, когда досрочно освобождать будут. Бывает.

Я вошел в каптерку, а все вышли и направились по своим местам. Сергей подвинул мне тубарь:

– Садись, Саша. В ногах правды нет. – И опять улыбнулся.

В начале нашего разговора я был скован, насторожен. А в голове все время вертелось: «Что это ему вздумалось устроить мне этот допрос?»

Сергей налил мне и себе чаю, разорвал новую пачку печенья и придвинул ее ко мне:

– Угощайся. Чем богаты, – а посмотрев на меня, добавил: – Ты, Саша, совсем за своими – и за моими, извиняюсь, – сетками рехнулся. Так и говорить-то разучишься.

Я стал маленькими глотками пить чай. К печенью и не притрагивался, хотя и очень хотелось. Что я, кишкамет какой, что ли?

А Сергей, тоже сидя на тубаре, оперся локтями в колени и голову так уютно положил в свои ладони, прижав их к сухим скулам. Он молча смотрел на меня, но затем начал говорить:

– Я ведь не первый год сижу, и вижу, как тебе тяжело дается отсидка. Мне, знаешь, тоже поначалу тяжело было, но и начало у меня было тяжким – начал я с малолетки, как-нибудь поведу. А ты, Саша, если хочешь, расскажи о себе – что хочешь, то и расскажи. Я тут давно, очень давно по-человечески ни с кем и не говорил. Да и с кем тут заговоришь-то?..

Эти его «если хочешь» и «что хочешь, то и расскажи» окончательно меня успокоили. В Сергином голосе при этих словах возникли совершенно новые для меня интонации, и я уже почти поддался исходящему от него дружелюбию. Однако я понимал, что мне необходимо следить за каждым своим словом, чтобы, не дай Бог, не ляпнуть чего, чтобы потом локти не кусать.

Я рассказал ему, за что меня посадили, рассказал про хозобслужу (он к этому отнесся безразлично, и меня это удивило). Он только и сказал:

– Для меня прошлое человека значения не имеет. Главное, кто ты сейчас, сию минуту – человек или дерьмо. А ошибки бывают у всех. Живому человеку всегда дает-

ся жизнью шанс исправить свои ошибки.

– Конечно, я с тобой согласен. А наш «козел» так не считает. Он мне все эту самую хозобслужу словно лыко в строку вставляет. Он считает, что раз я был в х/о, я никто и звать меня никак. Что я с ним – объясняться, что ли, должен? Да пошел он...

– Тебе сколько?

– Сидеть?

– Да нет. Лет сколько?

– 18 исполнилось как раз на «химии».

– А мне 20.

– Да ты не переживай, – решил я утешить Сергея. – У тебя еще вся жизнь впереди. – Очевидно, мои слова произвели на Сергея должное впечатление, потому что он, откинувшись к стенке, громко захохотал.

– Ну, ты, сынок, меня уморил, честное слово! Я так сто лет не хохотал. Молодец! И таким тоном! Нет, Саня, тебе не в тюрьме сидеть надо, а в семинарии учиться. Люди к тебе сами на исповедь прибегут. Перед таким, как ты, хочется или сильно нагрешить, или бесконечно каяться. Молодец, сынок!

И свое обычное обращение ко мне «сын-нок» Сергей в тот вечер – да какой, к черту, вечер! – в ту ночь выговаривал с такой теплотой, с такой доверительностью, с такой готовностью защитить меня от любого зла, что я и совсем расслабился.

Одно скажу: после этого нашего с Серге-

ем разговора я от нашего «козла» ни единого кривого слова в свой адрес больше не услышал до конца срока. Уж о чем там с ним Серега говорил, я не знаю, но синяк во всю морду у «козла» — парня лет тридцати — не проходил долго. Мне даже как-то совестно перед «козлом» за этот синяк было. А он, когда меня видел, мимо пулей летел, а если что надо было по работе, передавал с другими. Меня это устраивало. А в ту ночь Сергей сделал мне деловое предложение. Он сказал:

— Мне, Сань, нужен помощник, чисто по работе. Я вижу, ты в технике понимаешь, работаешь качественно. Ты когда-нибудь сталкивался с токарным станком? И вообще, ты способен что-то делать руками, кроме сетки?

— Ну, не знаю. Надо попробовать. Вот в машинах я разбираюсь и вообще люблю в моторах копать. — И чуть помолчав, я решил спросить напрямую: — А почему, Сережа, собственно, я? У вас в бригаде есть ведь токари, и неплохие. Да и как ты с отрядным договоришься? У меня с ним напряженка.

— Почему?

— Да я недавно послал его открытым текстом. Достал он меня своей «химией». Ни с того, ни с сего пообещал документы на «химию» готовить. И теперь, считая, что я

только об этой «химии» и мечтаю, придирается по каждому поводу. Иду в сапогах, так он и спрашивает со своей противной улыбочкой: «Почему шнурки не завязаны?» Ну, не кретин ли? Или у него это особый род садизма? Так я ему сказал, что лучше посижу в зоне «звонком», а выгибаться перед ним не буду из-за этой сраной «химии». «Химиком» я уже был. Мне теперь «физика» по душе.

Сергей внимательно меня выслушал, о чем-то подумал и в свою очередь сказал:

– Ты все правильно сделал. Да и сидеть тебе всего год осталось. Не бери в голову. Я с твоим отрядным все вопросы решу. А насчет наших токарей – они по чертежу только и могут деталь выточить. А мне чертить некогда, да и не умею я. У них своего воображения – ноль. – Выпив еще чаю с печеньем, угощая меня, Сергей предложил: – Будешь официально у меня три месяца в учениках. Спроса с тебя никакого, а детали научишься точить через недельку-другую. С ширпотребом я тебе все скажу, покажу что почем. Лишь бы у тебя желание было. А без желания, сам знаешь... Менты меня прихватили конкретно. Придется делать вид, что работаю на них. Помощник мне нужен – кровь из носа, сам я никак не управлюсь. А выбрать не из кого. У всех руки- крюки. А у тебя и руки, и голова. Ты как, Саша, готов?

– Я не против, – сказал я с той свободой в словах, которой у меня не было с первого шага в зоне. – Честно говоря, сетка эта уже в печенках сидит. Только вот как ты с мастерами и с отрядным уладишь? Особенно с отрядным, он такое дерьмо.

Скорее всего, естественные в моем положении страхи, моя кажущаяся забитость начали раздражать Сергея, но и здесь он проявил терпимость, известную тактичность, боязнь обидеть меня. Поэтому он, слегка повышая голос, но не на меня, конечно, сказал:

– А на хрена я этим блядам ножи, подсвечники, мундштуки и всякую разную дребедень делаю? С мастерами и говорить не о чем. Им все фиолетово – лишь бы план шел. Я же, Саня, не зря четвертый год сижу. Они ведь что любят – власть, пусть даже самую ничтожную, но над конкретным человеком, даже не над человеком, а над его судьбой. Так почему бы не пойти им навстречу?! Пусть они, придурки, этой властью упиваются. Пусть думают, если думать могут, что хотят. Не надо лишать их иллюзий. С ними надо покультурнее, поулыбаться надо – и глядишь, они уже у тебя в плену. А послать – послать тоже можно и даже иногда нужно, но только если ты от них полностью независим. И без свидетелей – один на один. Иначе ШИЗО, а то и хуже.

Да что это я тебе мораль читаю! Ты и сам с усам. Ах, ты ведь еще... Да, усы твои еще не выросли. Ну так вырастут. Короче, я с твоим «козлом» утром поговорю. Тебе дам ключ от склада – поспишь до проверки; ты же успеешь накрутить свою норму за полсмены, а?

– Конечно, успею. Даже больше успею.

– А вот больше – больше не надо. Больше не треба. Ты что, даришь «козлу» лишнюю сетку?

– Нет, мне на куреху. Денег ведь у меня на счету нет – по приговору иск вкатили, даже на ларек не остается.

Подумав, Сергей сказал:

– Ладно. Я тебя пока «подогрею», а потом сам будешь зарабатывать – и на куреху, и на чай, и на хлеб с маслом. – И как бы очухиваясь от наших бдений, посмотрел на часы – у него часы наручные были. – О, досиделись! Подъем, вроде, уже. Ставь кружку – хапнем еще чайку, а я пойду с твоим «козлом» побазарю.

«И началась моя новая жизнь»

Тот, кто хотя бы однажды испытывал отчаяние от одиночества, от звериного оскала окружающей действительности, от невозможности открыться, отогреться в че-

ловеческом тепле и понимании, тот поймет меня. Часто почему-то считают, что страдания возвышают человека, очищают его, побуждают к смирению и убивают в нем гордыню. А по-моему, как бедность порождает нищету, так и страдания порождают в человеке озлобленность, даже ненависть. «Труженики тюремных виноградников» ставят себе в заслугу не исправление заключенного — об этом в лагерях никто даже и не заикается! — но подавление его духа. И не понимают, что сломленный человек более опасен, чем, как пишут в характеристиках, «морально устойчивый». И они, эти «труженики», часто гордятся результатами своих усилий, потому что слишком хорошо знают качество человеческого материала, с которым им приходится иметь дело. Все эти следователи («лет на пять ты потянешь»), прокуроры («требую максимального срока наказания по данному обвинению»), судьи, которые раздают людям годы заключения так, словно это не наказания, а пасхальные цветы, вряд ли согласились бы с тем, чтобы в зоопарке так обращались с медведями, как они обращаются с нами.

Конечно, гораздо лучше, когда ты меньше «ощущаешь» и больше наблюдаешь. Но в тюрьме и то, и другое слишком тесно переплетено, и дотянув до половины своего срока, каким бы большим он ни был, ты

понимаешь, что эту твою жизнь нельзя увидеть, ее нужно прожить. А что до администрации лагерей, то я давно уже понял, что эта профессия оказывается привлекательной прежде всего для тех, кто любит демонстрировать свою власть над слабым, а зачастую сюда идут и откровенные садисты. Вот почему мне кажется, что если одна группа людей находится за решеткой, а другая их охраняет, то причины, по которым это происходит, чисто случайны. Ведь большинство лагерей расположено в изолированных районах страны. Лагеря и есть основа экономической жизни такого региона. Поэтому тюремные труженики набираются из местного населения, становясь ими просто от того, что не имеют другого выбора. А высокое лагерное начальство во всяких там министерствах и управлениях рассматривает наше местное начальство в качестве представителей самого низшего сословия в иерархии органов, осуществляющих исполнение наказания. Конечно, я не могу и не хочу сказать, что все сплошь лагерные надзиратели – скоты. Может быть, мне стоило бы назвать двух-трех человек, в отношении которых к нам было сдержанное сочувствие, желание иногда выслушать нас, ободрить, вселить уверенность в себя. Но, как правило, это были совсем еще молодые офицеры, которые, все поняв, либо

увольнялись из системы, либо продолжали свою службу, обучаясь нехитрой науке озлобления и беспробудного пьянства.

Однако со всем, что видело и испытывало в лагере мое маленькое беззащитное сердце, я не мог и не умел соглашаться. Я определенно чувствовал, что в личных отношениях мы друг с другом оказываемся гораздо человечнее, чем принято думать. Мы больше способны на поддержку и любовь, на заботу друг о друге, в нас больше созидательного человеческого потенциала, чем в тех, кто загоняет нас в этот ад. Становясь в лагере старше, я стал понимать, что тюрьма – это своеобразный социальный срез общества, в котором полностью обнажается каждое человеческое несчастье. Жизнь здесь напоминает жизнь на большом океанском лайнере: ты чувствуешь себя заодно с несколькими сотнями ничем не отличающихся от тебя человеческих существ, и потому первоначально охватывающий тебя ужас заключения постепенно превращается в тягостную повседневность. Это потом, много позже, я прочту у Льва Толстого: «Нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть, в особенности если он видит, что все окружающие его люди живут так же». А пока что...

А пока что некто протянул мне руку по-

мощи, и я ухватился за этот спасительный жест и стал выкарабкиваться со дна пропасти.

Утро и развод на работы уже не казались мне такими мучительными. И даже спать не хотелось, хотя и кружилась голова от чифиря. И в цех я не входил, а влетал на крыльях... Но крылья сами собой складывались, потому что сон все же одолевал меня.

Я спал, когда все работали. Мне улыбался человек, в сторону которого все остальные боялись лишней раз и взглянуть-то. И он угощал меня чаем и охранял мой сон, когда я спал, устроившись за его станком на его «диване».

Именно с того самого нашего разговора в каптерке Сергей стал называть меня сыном с неизменной лаской и даже нежностью, и это приводило меня в счастливый трепет.

Сергей был всего на два года старше меня, но на тот момент, когда пересеклись наши жизни возле проклятой сетки, он уже отсидел из своего пятилетнего срока больше четырех: год на малолетке и три с половиной на этой зоне. Вот почему Сергей и обликом, и всем своим поведением, и избранными им средствами и способами взаимоотношений с людьми казался много старше своих лет. Когда не озарялся он улыбкой, не просветлялся ею, не появля-

лись в его почти погасших глазах веселые чертики озорства и юности, он выглядел много и трудно прожившим мужчиной, и эта его мужественность, соприкасаясь с моей почти детскостью, беспрестанно тянула меня к нему.

«А жизнь продолжалась»

А жизнь продолжалась... Официально я был еще в бригаде сеточников, но большую часть смены я проводил на механическом участке, где помогал Сергею.

Свою сетку я накручивал за два-три часа, и больше там не появлялся. Тем более что «козел» перестал на меня наезжать. К тому моменту, когда меня перевели в ученики токаря, я уже мог выполнить многое и вытачивал любую деталь из тех, что требовались Сергею для дальнейшей работы. Просто мне действительно понравилось, и я очень быстро научился точить. И труд, из подневольного превратившись в желанный, стал радовать меня, да и Сергей оказался очень хорошим наставником и большим мастером своего дела. Он начал приобщать меня к своей работе. Мне было интересно наблюдать Сергея за работой и, когда требовалось, помогать ему в этом. У него все буквально горело в ру-

ках и получалось с первого раза. И я никак не мог понять, когда же он отдыхает – так он был увлечен делом и радовался каждой удаче, словно то, что он делал – он делал для себя или для близкого друга. Такой у него был талант – работать качественно и красиво!

И продолжались наши ночные бдения в каптерке, особенно после 2-й смены, когда и днем можно было поспать.

Сергей имел множество инструментов и на бараке. Он не мог сидеть без дела – даже по ночам что-то мастерил, пилил, точил, а я... Я просто сидел рядом и смотрел, пробовал и сам что-то делать. Во время этой работы, от которой так и чувствуешь дыхание свободы и радости, мы болтали о чем попало – смеялись, шутили, травили анекдоты. Но и о серьезном, с нашей точки зрения, тоже говорили. Сергей старался, как умел, объяснить мне суть лагерной жизни, пытался убедить, что не все так уж мрачно и скверно, а многое от тебя самого зависит, и из любой ситуации, «даже самой дерьмовой», нужно сделать для себя полезные выводы и, по возможности, остаться человеком. «Это не для других важно, а для себя самого – чувствовать к самому себе уважение».

– Здесь, – говорил мне Сергей, – все лучшее и все худшее, что есть в каждом, рано

или поздно всплывает и проявляется. Так и должно быть. Ведь каждый должен получить то, чего он заслуживает. Есть какая-то Высшая Справедливость, Саня, – продолжал Сергей, – и Она всегда возвратит тебе и твое зло, и твое добро. Я в этом уже не раз убеждался. Тут мудрости много не надо, да и вообще дело не в уме, хотя все надо делать с умом. Тут дело в чувстве, в предчувствии... Или как это – в интуиции, что ли?

– В самосохранении, да?

– Может быть... Но есть нечто, что важнее. Это смотря что для тебя ценно в жизни.

– А для тебя что ценно в жизни?

– В здешней, в лагерной?

– Да. Другой у нас пока что нет.

– В этой для меня важно, сынок, чтобы ты был рядом и чтобы тебе было хорошо.

Неприступность Сергея, так высоко им ценимая и оберегаемая для других, для меня постепенно сходила на нет. И это все сильней и сильней привязывало меня к нему: я чувствовал, что я ему нужен, даже необходим здесь, и был счастлив.

Но зона есть зона, и поэтому страх и настороженность все еще оставались во мне. Они были почти необъяснимы. Я чувствовал, что все еще не могу довериться ему полностью. Мне казалось, что в общении со мной Сергей постоянно что-то недого-

варивает, а говоря, запинаяется, отводит глаза... Я все это видел, чувствовал и потому не мог расслабиться рядом с ним, успокоиться, что ли. Бывало, он так на меня по-смотрит своими серо-синими глазами, что мне становилось не по себе, и я отводил свой взгляд от этих пронзающих меня и приближающих к себе глаз.

«И вот однажды»

И вот однажды причина этой недоговоренности всплыла, да так неожиданно, что я не успел опомниться, как все произошло. И главное, никакой хитрости со стороны Сергея, никаких «подъездов», как это, я слышал, обычно бывает, не было и в помине. Я и вообще думаю теперь, что между людьми, даже малознакомыми или незнакомыми вовсе, иногда возникают какие-то токи, импульсы, которые, несмотря ни на что, влекут этих людей друг к другу. Что это? Что это такое? Хорошо это или плохо, что так устроены люди? И всего важнее в таком влечении одного человека к другому – переживаемое волнение. Губы сохнут, все слова невпопад, голова не ведает, что делают ноги и руки, стук сердца слышится под самым горлом, и ты еще не знаешь точно, радоваться тебе или

плакать. Но я расскажу по порядку, ладно?

Мы пришли после 2-й смены. Я уже свободно точил любые детали, но все еще числился в учениках. Работу Сергея выполнял я, мастера к нему даже и не подходили, все задания давали мне, а он занимался только ширпотребом. И все были довольны – и мастера, и мы оба.

Та смена выдалась тяжелой – много аварийных деталей плюс конец месяца, бардак безумный. У всех нервы были на пределе. И я очень тогда устал.

Придя на барак, я, как всегда, умылся, перекусил и завалился спать. А Сергей, как обычно, остался в каптерке что-то свое доделывать. Вел себя он в тот вечер странно – все время молчал, только поглядывал на меня исподлобья. Я как-то и не придавал этому значения – у него бывали заскоки и раньше.

Заснул я моментально, как убитый. Не знаю, сколько прошло времени, но я проснулся от того, что кто-то присел на мою шконку (а спал я всегда очень чутко – как разведчик, я так и после зоны сплю, слышу каждый шорох). Это был Сергей – никто, кроме него, не решился бы меня после смены трогать.

Он сидел в одних трусах, а сверху была накинута фуфайка. Он почему-то полез в тумбочку и стал там что-то искать. Я,

улыбнувшись ему, повернулся на другой бок и снова закрыл глаза, погружаясь в сон.

– Сынок, – прошептал Сергей, склоняясь к моему лицу, – вставай... Идем... Поможешь мне доделать подсвечник.

– Отстань, – выговорил я сквозь слипшиеся уста и глаза (я заснул моментально, и, видимо, так сладко, что и слюна на подушку выступила). – Вечно ты устраиваешь дурдом среди ночи. – Я сказал так, потому что Серега уже не впервые так будил меня, и я, встав, брел к нему в каптерку, где мы – каждый на своих тисках – доделывали что-нибудь «горящее», срочное. – Утром, Сережа, доделаем, ложись и ты спать. А то уже уработались оба.

Но Сергей не отставал и продолжал тормошить меня:

– Ну, идем. Там и дела-то на двадцать минут. К утру должно быть готово. Человек и деньги уже принес.

Окончательно проснувшись и перевернувшись на спину, я спросил Сергея:

– Что это там такое сверхсложное, что ты без меня не сможешь сделать? Я уже сплю и ничего не соображаю.

– Идем, идем, сейчас проснешься, – шептал Сергей в нетерпении.

– Издеватель, – буркнул я себе под нос и, закутавшись в одеяло, полусонный, с закрытыми глазами побрел за ним в каптерку.

Я вошел следом за Сергеем и, подперев стену, продолжал спать стоя. Я и не заметил, как он тихо закрыл дверь на ключ, занавесил стеклянный проем в двери – стало совсем темно... А я продолжал спать, прильнув к стене.

Сергей подошел ко мне, приблизившись так тесно, что я вздрогнул, и стал медленно высвобождать меня из одеяла... Я приоткрыл глаза.

Сергея стоял так близко ко мне, что я уже слышал его прерывистое дыхание. И хотя в каютке было почти темно, только маленькая лампочка на стене светила под темным колпаком, я видел его глаза – они были широко раскрыты и невероятно блестели.

Сергей осторожно распахнул на мне это одеяло, и оно поползло вниз, а он, задерживая его руками, прижал меня к себе и стал тихо, без единого слова, целовать в шею, в грудь...

У меня дух перехватило, застучало в висках, мне стало и страшно, и приятно, и я перестал что-либо соображать. А он нежно гладил меня по груди, шее, плечам, по животу... Я попытался отстраниться от Сергея, но он вдруг прижался ко мне всем своим сильным телом, руки его молниеносно стянули с меня трусы...

– Что ты делаешь?! Не надо... – начал я шептать дрожащим от ужаса голосом. Но

при этом я тоже тяжело дышал, а мои руки сами собой легли ему на плечи...

Какое-то время мы молча стояли так, и я тоже стал целовать лицо Сергея, а он все время водил ладонями по моей спине, ниже и ниже, а другой рукой устремился туда, где собралось в эту минуту все мое – страх, возбуждение, любопытство, нежность к нему, доверие и даже некая смелость...

– Сынок, ложись, не бойся, – сказал Сергей очень тихо.

– Нет, не надо, я боюсь...

– Ложись и делай то же, что и я, – при этих словах Сергей взял меня за руки, положил на пол, устеленный матрасом и шинелями, и я понял, что сопротивляться я уже не могу и не хочу.

Сергей лег ко мне полубоком, стал целовать меня в живот, гладить руками по вздрагивающим бедрам... Мне стало очень приятно и по телу пробежала мелкая дрожь, я закрыл глаза... Уже совсем ничего не соображая, я стал делать «то же самое».

Долго трудиться нам не пришлось. Мы оба были сильно возбуждены, и я, не имея никакого опыта в таких делах, делал «то же», как признался мне потом Сергей, «с кайфом». А потом... Потом я поднялся и молча пошел спать. Мне было и страшно, и счастливо!

«Но я считал, что это плохо»

Я зарылся с головой от стыда и стал думать: «Боже, что ж я наделал?! А вдруг он всем расскажет?! Но ведь он тоже «это» делал. Но что стоит ему доказать, что я... Меня ведь никто и слушать не станет, а у него авторитет и влияние. Я ничего не докажу. И доказывать не стану. Пусть будет все так, как есть».

Я выглянул из-под одеяла – Серега спал или делал вид, что спал. Я взял из тумбочки сигарету и, накинув фуфайку, вышел из барака покурить, обдумать свою теперешнюю жизнь на зоне и мои отношения с Сергеем. На дворе, как пишут в романах, стояла изумительной красоты ночь – небо все в звездах, из окружающего нашу зону то ли леса, то ли парка слышны птичьи голоса, запахи молодой травы превращали воздух в нечто немислимое. На воле я бы с ума сошел от такой красоты. Но теперь мне было не до лирики.

«Ну все, пиздец, – думал я. – Опустят, загонят в «петушинный» отряд и будут трахать все, кому не лень. Неужели Сергей окажется такой подлой скотиной? Но разве такое бывает? А может, нет. Может, все будет нормально, все путем, и я только напрасно сам себя накручиваю».

Я вернулся, лег. Но сон – ни плохой, ни

хороший – не шел ко мне. И я еще раза три за ночь выходил покурить. Кажется, Сергей заметил мое хождение на перекуры, но, видимо, хотел, чтобы я сам, как теперь говорят, определился в случившемся с нами.

Дня три я боялся встречаться с ним глазами, избегал любых разговоров с ним – я все ждал и ждал, что же будет дальше. И он делал вид, что вообще ничего не произошло, вел себя естественно и обычно, даже пытался шутить со мной и балагурить, как он это всегда делал. И, странно, он все время был в отличном настроении и не обращал внимания на мою подавленность.

А как-то раз, как всегда, после 2-й смены, когда я, быстро умывшись, прошмыгнул мимо открытой двери в каптерку, Сергей протяжно окликнул меня:

– Сыно-о-к!

У меня все внутри оборвалось, и я, убитый горем, вернулся на зов и вошел в каптерку. Сергей стоял до пояса обнаженный и вытирался после мытья полотенцем. Он хитровато на меня посмотрел и улыбнулся. И я посмотрел на него: «Какой же он все-таки красивый парень!». Но я тут же отвел глаза и уставился в пол.

– Ну, что, глупенький ты мой? Так и будешь до конца срока от меня под одеялом прятаться? А? Ладно, закрой дверь, ставь кружку, а я на 10-й отряд схожу за завар-

кой. Я уже соскучился за общением с тобой, да и просто за тобой. – При этом он посмотрел на меня так, что у меня закружилась голова – от волнения, от радости, от счастья и страха. И еще мне показалось интересным то, что Сергей, будучи местным (то есть сам он пермский), вдруг заговорил со мной в моей украинской манере. Мне это страшно понравилось, потому что как-то раскрыло его ласковое отношение ко мне и указало на душевную тонкость, а уж ее-то я никак не ожидал встретить в нем.

«Сбегать на 10-й» – это сбегать в соседний барак, этажом ниже. Наш отряд – 11-й, на второй этаже. Свободного передвижения по зоне у нас не было – кругом локалки. Высокое лагерное начальство в Москве и в Перми устроило локалки из страха лагерных бунтов, которые в конце 70-х годов охватили многие лагеря России.

Дверь из нашего отряда постоянно находилась на крепком замке, таким образом, мы имели как бы зону в зоне. Это на всех действовало удручающе. Сергей вылез через окно, спустился по водосточной трубе и попал в локалку 10-го. Я поставил кружку и задумался. И было о чем.

Я уже говорил, что до встречи с Сергеем никакого опыта подобных отношениях между мужчинами у меня не было. Конечно, я слышал о «голубых», но в моем пред-

ставлении это были люди все же очень далекие от тех, с кем общался я. Иногда, когда мне было лет 13–14, я улавливал на себе взгляды мужчин – очень разных, в том числе и довольно молодых парней. И тогда я смущался, прятал глаза, старался как можно скорее выпасть из поля их зрения – способов для этого есть миллион. И сразу же забывал об этом.

В 15 лет я поступил в спецПТУ. Это тоже целая история, но я ее рассказывать сейчас не буду. В этой «спецухе» я пробыл год и сбежал из нее: там еще страшней, чем в тюрьме. Так вот, там, в «спецухе» этой, в известном смысле творится полный беспредел. Там никто не спрашивал, хочет человек или нет, просто брали и насиловали. Правилom это, конечно, не было, но случаи насилия бывали часто. То же, говорят, и на малолетке творится, но еще страшнее.

На зоне, на «общаке», ситуация совсем иная, но тоже приближенная по степени униженности и насилия к ситуации на малолетке, потому что на «взросляк» ведь поднимаются именно с малолетки. И у нас в отряде – не в «обиженке», нет – было 5-6 «петухов». Что это такое и кто это такие, кажется, теперь уже все знают. В лагере это самые несчастные люди – несчастней не бывает. Они живут жизнью, которую и жизнью назвать язык не поворачивается, и, ко-

нечно, они обособлены, то есть отделены от всех остальных. Они выполняют самую грязную и самую тяжелую работу. Каждый может их оскорбить, унижить, ударить беспричинно и безнаказанно. На них страшно и, признаюсь, противно смотреть. Забитые, замученные, зачумленные, они производили впечатление не людей, а теней. Как правило, это люди без возраста, и если в их круг попадает немолодой человек, он освобождается из зоны уже полным инвалидом. Администрация лагерей только тогда обращает на них внимание, когда среди них оказываются самоубийцы или те, кто, будучи доведенным до крайнего отчаяния, «раскручиваются» в зоне на новый срок, и это иногда спасает их от неминуемой гибели. И, как правило, люди, доведенные в зоне до «петушиного» состояния – жертвы агрессии и насилия тех парней, что приходят на общий режим из колоний для малолетних. Там они, подверженные унижению и растлению этим унижением, на «общаке» стремятся набрать очки.

У нас в зоне к услугам «петухов» – тех, кто почистоплотнее и кто был симпатичным – это немаловажный фактор! – прибегали только «крутые», и больше никто.

Совсем необязательно, чтобы среди зоновских «опущенных» были именно гомосексуалисты, скорее, даже наоборот – ими

в зоне становились поневоле. В «гарем» могли опустить за разные грехи. Стукачество, «крысятничество» (воровство у своих же) или если кто-то крупно проигрался, а заплатить нечем. Обычно в таких случаях, полушутя-полусерьезно, предлагают расплатиться натурой. Те, кто соглашались, попадают в «гарем». Бывает, что человека «опустят» – скажем так – по случайности. Если и выясняется, что он не виноват, назад ему все равно дороги нет. Приходится ему жить в зоне с остальными «гребнями», но трахаться его при этом никто не заставляет. И что странно, так это то, что большинство оказавшихся там, в «гареме», соответствует своему назначению и до конца оправдывают свою роль.

Обо всем этом и раздумывал я, сидя в каптерке в ожидании Сергея, когда нехитрым приспособлением, известным каждому ээку, кипятил воду для заварки.

Конечно, его шутливый тон меня немного успокаивал, его голос и глаза выражали дружелюбие и приязнь ко мне, но я уже слишком хорошо знал, что такое «лагерная жизнь», и в этом знании таились мои теперешние печали и тревоги. И, конечно, раздумывая о себе, я невольно думал и о Сергее, и поэтому получалось, что думал я о нас – о нас двоих, о связывающем нас влечении друг к другу.

Я думал о том, что с нами будет, если об «этом» узнают все остальные. В лучшем случае нас обоих избыют всей толпой до полу-смерти – и не за грехи наши, вовсе нет! – но за то, что он и я всем своим поведением в лагере сильно отличались от других. А этого нигде не любят. Будь как все – вот требование любого коллектива, любой толпы. Если о нас узнают, нас загонят в «петушню» и устроят нам там такую жизнь, что мы проклянем час, когда появились на свет. От всех этих мыслей кровь у меня в жилах стыла. И поэтому на ум приходили и такие соображения: «А вдруг он хочет усыпить мою бдительность и затем как-то меня подставить, чтобы я оказался в «петушне»? – думал я. – Но зачем ему это надо? Что плохого я ему сделал?». Подобные мысли сами собой улетучивались, и мне уже было стыдно, что я мог подумать о моем Друге так подло. Сказано ведь: береженого Бог бережет. И тогда я решил:

«Так! Все, хватит! Если будет еще приставать, буду пресекать на корню. Он умный – все поймет, а заставить он меня не заставит ни уговорами, ни силой. В конце концов, я за себя постоять тоже могу – не мальчик уже. Решено».

Но и эти мысли отступали. Я чувствовал, что уже не могу спокойно смотреть на обнаженное тело Сергея. Во мне происходило что-

то новое, прежде мною ни разу не испытанное, и это новое тянуло меня к Сергею не душой, нет, но всем моим физическим существом и существованием. Мне нужны были, мне остро требовались его нежность, его сила, его взгляд, дыхание, его близость. И что я мог поделать с самим собой!

– А вот и я! – Сергей «вошел» в окно. Он принес кусок копченой колбасы, сало, пару банок консервов, печенье, конфеты, чай и пять пачек сигарет «Столичные» – ленинградских, в твердой упаковке. Я даже подпрыгнул от неожиданной радости и готов был кинуться ему на шею из благодарности. Но сдержался.

– Это тебе. Ты ведь у нас питерский, хотя и хохол. На воле, наверное, только такие и курил?

Я действительно на свободе курил именно «Столичные» – в те годы одни из самых дорогих и престижных сигарет, не считая, конечно, фирменных, но у кого они были-то из моих сверстников?..

– Это что – плата за услуги?

– Ты чего – совсем дурак? Или временно? – возмутился Сергей, но сменил тон. – Впрочем, если хочешь – то да. Только чем ты мне заплатишь? Я ведь тоже тебе эти же «услуги», как ты говоришь, оказывал. А?

– А я тебя не просил мой член в рот брать. Так что насчет оплаты, Сережа, рас-

слабься. — Очевидно, мой дерзкий тон чем-то понравился Сергею, поэтому он, приняв его, ответил:

— Я тебя ведь тоже не просил.

— Ну, конечно! «Делай как я, делай как я!» Ни жуя! Ты просто заставил — молча и без всякой лирики, даже не интересуясь, надо мне это или нет, хочу я или нет.

— Пожалуйста, без фантазий. Ты сам взял, никто тебя за уши не тянул.

— Инициативу ты проявил.

— А тебе, голубчику, было до того отвратительно и противно, что ты аж через тридцать секунд кончил.

Я замолчал. Сказать на это было мне нечего, да и сам этот разговор был мне неприятен. И потом, мне ведь действительно было с ним хорошо и приятно. Но я все еще считал, что это плохо.

«И я поцеловал его прямо в губы»

После этой перепалки и «выяснения», кто виноват и что делать дальше, мы оба как-то сразу замолчали. Сергей накрывал на стол, который состоял из двух поставленных рядом тумбочек. Нарезал колбасу, сало, разлил по кружкам чай... Я сидел на корточках, упершись спиной о стенку, и тупо смотрел в какой-то темный угол.

Сергей тихо приблизился ко мне, стал тихо-тихо гладить меня по голове, и я едва удержался, чтобы не расплакаться.

– Ну чего ты, дурачок? Что произошло? Нам ведь было хорошо вместе и еще будет. Что ж в этом плохого? Это ведь естественно, а что естественно – то что?

– Не безобразно.

– Правильно. Ты ведь хороший, неглупый, и мне никто не нужен, кроме тебя, так и знай – никто.

Сергей, взяв меня за обе руки, поднял и подвел к столу, посадил на табурет и стал кормить прямо из рук. Я молча жевал, опустив голову.... И обнаружил, что то нервное напряжение, в котором я находился все последние с той ночи дни, внезапно иссякло. Я вдруг перестал ощущать себя даже физически, потому что внутри меня как бы все оборвалось, голова заполнилась шумом, и я, уронив ее себе на колени, вдруг тихо заплакал.

Плакал я действительно почти бесшумно – только плечи тряслись, а слезы лились сами собой. Мое состояние прекрасно почувствовал Серега. Он сел рядом, придвинув к моей свою табуретку, привлек меня к себе, и тогда я, уткнувшись ему в плечо – горячее, душистое после мытья, стал плакать уже совсем навзрыд.

Сергей не произнес ни единого слова, а

только целовал меня потихоньку в шею и гладил по голове. Так мы просидели минут двадцать – пока я не успокоился.

– Сынок, – решил заговорить Сергей, – не надо ничего объяснять и говорить. Я все знаю и понимаю сам. Я знаю, как тебе тяжело в этом аду. Ты не создан для зоны, для этого лагерного кошмара, поэтому тебе гораздо труднее, чем другим. Я давно за тобой смотрю, наблюдаю тебя во всем и вижу, как ты держишься иногда из самых последних сил, я вижу. У тебя есть душа и сердце, ты чистый и добрый мальчик, и такой красивый, честное слово, Санек. Со мной ты можешь быть спокоен и расслаблен полностью – я всегда тебя пойму и поддержу, пока я здесь. Ты меня слышишь?

– Слышу.

– Но для остальных, Саша, ты должен быть волком. Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь и защиту, но и сам должен уметь показывать зубы, иначе эта система съест нас обоих, потому что я ведь тоже не железный и у меня тоже есть нервы. А ты, когда видишь, как я жесток с окружающими, не пугайся и не думай обо мне очень плохо. Так надо, Саша, так надо. Иначе – сам знаешь, что иначе. Короче, иначе будет очень, очень тяжело.

Я поднял голову и посмотрел ему в глаза:

– Сереженька, можно я тебя поцелую?

– Конечно, можно. Когда мы вдвоем, тебе все можно.

И я поцеловал его прямо в губы – коротко, совсем не так, как мне раньше мечталось, но от всей души. А Сергей о чем-то задумался. В его глазах вдруг появилась такая неизъяснимая грусть и боль, что мне показалось, что теперь и он заплачет. И тогда я принял ободряющий тон:

– Ну, а ты-то что, с чего это? Тебе, как я понимаю, и не положено, ты ведь уже большой.

– Меня еще никто ни разу в жизни так не называл, как назвал ты, и в губы никто никогда не целовал.

– А мама?

– Мама?.. Нет у меня мамы, и отца нет, одна только бабушка. Она меня и в самом деле очень любит, я ей весь срок каждую неделю письма пишу – хоть два-три слова, а ей они – утешение. А в тюрьму я попал совсем пацаном, семнадцатилетним. Год на малолетке и вот теперь здесь добиваю...

Он подошел к окну и уставился в проем, за которым открывалось утреннее небо, все уже в звездах, с высокими просветами зари, обещавшей добрый солнечный день. А у меня вновь сжалось сердце – от жалости к нему, потому что лучшие свои годы он провел за решеткой, за всеми этими локалками, в этом кошмаре, и немудрено, что в

ответ на окружающее его зло он стал таким грубым и порой даже жестоким. Но со мной Сергей был настоящим, и я был счастлив, что этим настоящим в себе он поделился именно со мной, распространяя на меня свет и тепло своего одинокого сердца. О, как был я счастлив сейчас!

Сергей стоял ко мне спиной и смотрел в окно, и я любовался им, не стесняясь своих странных мыслей и своих желаний. Он почувствовал мой взгляд на себе и повернулся ко мне лицом. Так мы и смотрели друг на друга еще очень долго и думали, верно, каждый о своем и друг о друге.

Сергей продолжал стоять у окна, я же встал и закрыл дверь на ключ, не вполне соображая, зачем я это делаю, выключил свет и подошел к Сергею вплотную.

Я целовал и гладил его лицо, грудь... Я делал это медленно, но жадно, а потом я словно обезумел и стал целовать его ладони – побитые, все в мозолях и в царапинах, грубые и шершавые, но для меня самые нежные на свете.

Он стоял с закрытыми глазами и отвечал на мои восторги лишь тихим сладостным стоном. Но все же, когда он стал стягивать с меня майку, я снова испугался и отстранился от него.

– Сережа, давай в другой раз... Извини... Пожалуйста...

– Конечно, – словно очнулся Сергей. – Как хочешь. Только поцелуй меня еще раз – и пойдем спать.

«Заснуть мы так и не смогли»

Впервые за весь год на зоне я спал совершенно спокойно, забыв о том, где я и среди кого я. Я засыпал с мыслью о Сергее и о том, что теперь здесь я не один, а нас двое, мы вместе, и каждый – друг для друга и друг за друга. А утром я проснулся совсем другим человеком – таким, каким был до заключения, то есть веселым и жизнерадостным. Конечно, этим состоянием я был обязан моей юности, юношеской беспечности, юной жадности до жизни, которая еще только открывала мне себя во всей полноте. И я ловил себя на мысли о том, что моя благодарность Сергею выше моей любви к нему, выше желания быть с ним физически, выше Бога.

Я очень привязался к нему и теперь был все время рядом с ним – и на работе, и на бараке. Я называл его Сережей при всех. Он пробовал протестовать, но мне было на всех наплевать. В свои слова я вкладывал нечто большее, когда обращался к нему – при всех – не «Сергей», а «Сережа». Так мне хотелось хоть как-то возместить те ужасы и то

одиночество, которые пережил он до встречи со мной за годы своего заточения. А он меня по-прежнему звал сынком, все так же ласково и нежно. Наша дружба крепла день за днем. Но в те редкие моменты, когда ему удавалось уговорить меня быть близким с ним, я все еще стеснялся и как бы комплексовал от этого, хотя формы нашей близости, по моим понятиям, ни в чем не соответствовали лагерным канонам, и я мог не думать о том... ну, что я «обыкновенный пидор» – по лагерным представлениям. И меня утешало то, что никто, кроме Сергея, об этом не знает. Да и близость наша еще не зашла так далеко.

Через некоторое время Сергей поменял мою шконку на шконку его соседа по наре. И это, по-моему, было его ошибкой.

Ночью, когда все уже спали, или я думал, что все спят, я высовывался из-под одеяла и тянулся к Сергею – он не спал почему-то. Я гладил его по голове, тянулся к нему губами. Он ругал меня за это и был, конечно, прав. Ведь нас могли заметить! И это могло бы закончиться для нас обоих трагически. Но, видно, Бог витал над нами! А мое желание близости с ним было велико и неудержимо, и он это хорошо ощущал, и сам тянулся ко мне. Но все равно как-то сказал мне в цеху:

– Будь поосторожней, сынок. Ты совсем

с ума сошел и меня с ума сводишь. Здесь ведь не воля. Вот выберемся отсюда, тогда...

А ведь нам надо было еще и «прятаться» от Виталика и Кости – его «семейников». Но Господь снова услышал нас и помог уединиться. Костя к тому времени освободился, а Виталик – тот еще раньше, еще до освобождения Кости, «закошил», и его отправили на другую зону, «на больничку» в Соликамск, иначе хозяин раскрутил бы его за беспредел и за постоянные отказы от работы. Сидеть же ему оставалось месяца два еще. Так что Серегина «семья» распалась сама собой и в новую, возникшую из нашего с ним союза, мы уже, разумеется, никого не принимали. И «шнырей» – лагерных лакеев – мы себе тоже не заводили, не тот случай, и во всем самообслуживались. А вскоре после этого произошло событие, которого я тайно ждал и очень боялся.

Я даже не знаю, как обо всем и рассказать. И рассказывать ли? – вот в чем вопрос. Конечно, обо мне могут подумать всякое разное, но мне на это наплевать. Может быть, и о Сереге так подумают? Но я этого не хочу, не имею права. Потому что для меня он выше и лучше всех, кого я встретил за мою, пусть еще и небольшую, но мною прожитую жизнь. И мне кажется – я в этой своей жизни кое-что понял, я получил право голо-

са. А кому все это неинтересно и неважно, могут закрыть уши или вообще «слинять». Но только от тюрьмы зарекаться никому не советую, хотя, конечно, никого туда и не приглашаю. У каждого – своя жизнь. Я говорю о своей. Вот и все.

Итак, придя, как всегда, со 2-й смены и дождавшись, пока все уснули, Сергей стал в каптерке приставать ко мне «с близостями». К тому времени я уже перестал шараться, тем более что он умело превращал все это в шутку и в игру. Например, закрывал нас обоих изнутри в каптерке и говорил, что пока я не сдамся, он не откроет дверь, и меня не выпустит, и сам не выйдет. Я, поломавшись для вида, соглашался. Но что-то в поведении Сереги меня настораживало – ему было явно недостаточно того, что между нами уже произошло и происходило, и он все время норовил перевернуть меня на живот. Я понял, в чем тут дело, и страшно перепугался. И только умоляюще твердил: «Не надо, Сережа. Я очень боюсь, что будет больно. Как-нибудь в другой раз». На что он отвечал:

– Это единственная причина? И что «в другой раз» будет как-то иначе? Ты действительно только боишься и боишься?

– Не знаю. Наверное, да.

– Тогда иди и возьми в тумбочке вазелин. Если будет очень больно, перестанем.

Не бойся, я постараюсь аккуратно. Ведь я же сам хочу, чтобы тебе было приятно, а не больно.

– Не пойду. Ты что, хочешь из меня настоящего «гребня» сделать? – спросил я, потому что знал: на зоне педерастом считается тот, кто играет пассивную роль, а активным может быть любой, и в этом нет ничего предосудительного.

– Ну и дубина же ты! Тебе будет легче, если ты меня первым трахнешь?

– Нет, не будет. – И, повременив, я добавил: – Слушай, давай я разбужу тебе «пехуха» да пойду спать, а ты его тут трахай хоть до утра.

– Ты что, соображаешь или как? Ты за кого меня принимаешь, Саша! – возмутился Сергей и в голосе его обнаружилась настоящая обида на меня и негодование. – Мне с этими тварями противно даже словом перекинуться. Они сами виноваты, что так себя поставили.

– А со мной тебе не противно?

– С тобой не противно. Ты ведь симпатичный мальчик и всегда такой чистюля, за что я тебя, кстати, очень уважаю. А те грязнули, я подозреваю, и на воле такими были – уродами. Ну, а насчет профессионализма, так ты губами «шевелишь» не хуже любой девки. – Говоря это, Сергей засмеялся, и этот его смех вывел меня из себя:

– Дурка ты! Каким же ты гадким бываешь! Зачем ты меня унижаешь и так говоришь со мной? Я тебе кто – «сестра», что ли? Вот ты умеешь сказать что-то доброе и хорошее, и тут же все это облить грязью. Зачем? Зачем ты таким бываешь? Почему?! Гадина!

Сергей сообразил, что перебрал, поэтому примирительно сказал:

– Ну, извини. Это у меня такой юмор – черный.

– Ладно. Только думай, когда говоришь.

Он приблизился ко мне и стал целовать меня, тесно ко мне прижавшись.

– Уйди с глаз моих. Не хочу тебя видеть, – заговорил я, отстраняя от себя Серегино тело, совсем уже соприкоснувшееся с моим.

– Сынок, – громко сказал Сергей, прижимаясь к моему уху, – иди за вазелином. Давай попробуем, прошу тебя. Очень прошу, а?..

– Я боюсь здесь, – прошептал я, совсем растаяв от его горячих губ, все время целовавших меня. – У тебя ведь есть ключ от кабинета Длинного. Идем туда, хорошо?

А дело было в том, что ключ от кабинета нашего отрядного у Сереги был потому, что там, в кабинете, отрядный хранил в сейфе заказанный Сергею ширпотреб, нуждавшийся в некоторой доработке, в отдел-

ке цветной пластмассой, стеклами, всякими завитушками. Жена отрядного, кажется, втюхивала этот ширпотреб в Перми, на толкучке или по знакомым, я не знаю.

– Ключ в тумбочке, где и вазелин. Возьми и то, и другое. Иди. И хватит ломаться как целка.

– Ты опять начинаешь?! Сейчас я вообще спать пойду. Если уж тебя приперло, то твоё пылкое воображение плюс пара здоровых рук – и вся музыка как по нотам, – стал говорить я, принимая тот дерзкий тон, который, думалось мне, хоть как-то остановит Сергея.

– Саня, ну перестань уже! Хватит дурить-то. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

И я пошел за ключом и за проклятым вазелином.

В кабинете Длинного была откидная койка, но она оказалась скрипучей. Сергей бросил матрац прямо на пол и лег, сняв с себя буквально все. Я некоторое время любовался его обнаженностью, но скоро последовал его примеру...

За окном занимался новый день. Солнце уже коснулось стен, висевших на них стендов, ленинского портрета, письменного стола, ряда расставленных вдоль стен стульев. Яркое солнце чуть смущало меня, но не Сергея, которому такая освещенность даже понравилась:

– Какой ты, сынок, красивый! – шептал

он. – Только слегка худенький, но это поправимо.

Сергей после всяких ласк и нежностей перевернул меня на спину, а потом снова на живот, прижал к себе, слегка отставляя в сторону правую ногу, и стал смазывать вазелином то, к чему он сейчас так сильно стремился... Я от наслаждения растерял все слова и только покусывал его руку возле плеча...

– Сашенька, мальчик мой, какой же ты хороший, – шептал Сережа дрожащим голосом и тяжело дыша мне в затылок. – Ну давай, расслабься, я очень тебя прошу.

– Да-да. Только не торопись.

Голова моя закружилась, и я почти лишился сознания – от счастья, от страха, от боли, от удовольствия. «Господи, – вертелось в моей голове, – помоги мне! Спаси и сохрани!»

Но не спастись, ни тем более сохраниться мне так и не удалось. Очнулся я, лежа на спине. Сергей лежал рядом, все еще тесно ко мне прижавшись. Он целовал меня всего – от затылка до... Я ничего, совсем ничего не соображал и только ловил своим ртом те участки его тела, которые то приближались ко мне, то отступали... У меня уже не хватало сил обнять Сергея, и я лишь покорно следовал его желаниям нежности и новой близости.

– Давай, Саня, одеваться. Уже время. Длинный может придти. Не дай Бог, застанет нас здесь, да еще в такой интересной ситуации.

– Хорошо. Сейчас пойдем. Еще минуточку. Только ты ответь мне на один вопрос. Я, как понимаю, у тебя не первый, это уж точно. Скажи, только откровенно, я для тебя просто очередной мальчик или...

– Саша, Сашенька, Сашуля, ты для меня – все. И пусть мое прошлое в этом смысле тебя больше не интересует, договорились? Мне на тебя совсем даже не наплевать, хоть ты сейчас так, наверное, считаешь. И я не хочу, чтобы ты чувствовал себя угнетенным.

– Я все понимаю, Сережа. Просто я не хочу быть при тебе бессловесным существом, которое можно трахать, когда захочется.

– Глупенький, – ответил на это Сергей. – Все будет хорошо. Только нужно быть очень осторожным и не расслабляться, как ты говоришь. А сейчас, – Сергей поцеловал меня, – все. Идем в цех. Там и поспим.

Но заснуть мы так и не смогли. Даже в цеху лежали и смотрели друг на друга...

«Мне было и радостно, и тревожно»

И становилось мне и радостно, и тревожно. Радостно от того, что в общении с

Сергеем я напрочь забывал обо всех своих проблемах, которые все же обступали меня, несмотря на покровительство и защиту моего друга. Поначалу эти проблемы казались мне мелкими и ничтожными. В обществе Сергея я чувствовал себя в полной безопасности. Он опекал меня везде и во всем. Мы ходили вдвоем в гости к его приятелям, таким же крутым, каким был сам Сергей, на другие бараки, умело преодолевая локалки, потому что от всех дверей и запоров в зоне у Сереги были сделаны ключи. И от того, что нам приходилось тщательно скрывать нашу тайну, наши отношения становились еще прекрасней.

Все лучшее, что скапливалось во мне и не находило проявления, обрушивалось теперь на Сережу. Я хотел – как умел и понимал это – окружить его тем теплом и заботой, которых он был так давно и надолго лишен в своей столь круто сложившейся жизни. Кстати сказать, я никогда не спрашивал его, за что его посадили, да и сейчас не помню статью, по которой он сидел. Кажется, тоже вляпался по глупости – то ли по хулиганке, то ли кому-то шею сломал со всеми вытекающими последствиями. Для меня это было не важно. И Сергей, видя, как стараюсь я для него, отвечал мне тем же. Мы, как говорится, вкипели друг в друга так, что и не отодрать. И: хотя о любви

мы никогда не говорили (я как-то стеснялся), все было ясно и без того, ибо мы очень хорошо чувствовали то, о чем никогда не говорили. И это тоже тревожило меня, потому что я уже тогда понимал, что без слов ничего нельзя достать со дна человеческой души. Этим и объясняется мое желание поведать бумаге недавние переживания – я ведь освободился из зоны всего ничего, только три года тому назад. И друг у меня есть – верный и постоянный. Но все это – не то. Сердце подсказывает мне: не сравнивай. Да и сам я понимаю: «живущий несравним». Но та моя лагерная тоска все еще во мне и будет во мне, я думаю, всегда.

Я подсчитал, что Сергей освобождается летом, в июле, 11-го числа. Он об этом не знал, считая, что конец его срока у него был в декабре 1980. Я сейчас объясню, в чем тут дело.

На некоторых зонах, в том числе и у нас, в те годы проводился эксперимент (с этим делом очень скоро завязало лагерное начальство) с зачетами. Суть эксперимента заключалась вот в чем. Если зэк за месяц норму выработки выполнял на сто один и более процентов, то ему три рабочих дня засчитывались как четыре, то есть за месяц дополнительно снималось с полного срока 7–8 дней, а если сто десять процентов, то шло 2 дня за 3, если сто двадцать, то... То день

шел за два. Таким образом, максимальное количество дней, которые можно было дополнительно снять, было около двадцати. Столько, сколько рабочих дней в месяце. Вот зэки губы и раскатали. Но все это оказывалось не в пользу мужика, а в пользу «вора». Видно, система зачетов в лагерях начала 20-х годов и середины 30-х лагерное начальство ничему не научила, а, может быть, и научила. Только зэки, как всегда, остались в своем большинстве «с хуем».

С мастерами у Сережи отношения были нормальные, даже хорошие. Они его уважали и делали эти зачеты. Но с оперчастью у него были напряги: он несколько раз попал в ШИЗО на 15 суток. В основном, конечно, из-за своего неуступчивого нрава и характера. После того, как мы сблизились, он попадал в ШИЗО два раза. Я чуть не тронулся, пока он находился в заточении. И вот, после очередных суток, Длинный сказал ему, что все его зачеты «накрылись» за систематическое нарушение режима содержания.

– Ну и пошел он со своими зачетами! Я отсидел четыре с половиной, а уж 6 месяцев как-нибудь отсижу, не сдохну. А на поводу у этих сук не пойду никогда.

– Ты, по-моему, не прав, Сережа, – возник я со своими аргументами. – Ты кому хуже сделаешь?

– Я, Саша, с самого начала избрал свой

путь, и буду идти этим путем до конца.

– «А мы пойдем другим путем», – встал я ни к селу, ни к городу известную ленинскую фразу, столь дорого обошедшуюся всему народу на протяжении стольких поколений. И я пошел этим «другим путем».

Был у меня знакомый земляк, ленинградец. Звали его... Впрочем, не это сейчас важно. Работал он в лагерном штабе (это ж надо такое придумать: штаб! Да «хозяин» наш с Наполеоном имел общего только то, что, как и император французов, ненавидел русских, поскольку был татаринном).

Короче, я мог узнать от него практически любую информацию. Он уважал Сергея, и Сережа относился к нему, так сказать, с почтением: во-первых, потому что сидел он за валюту, а во-вторых, потому, что тот до отсидки учился в университете, и с ним было о чем поговорить. Вот я и попросил его выяснить, действительно ли Сережу лишили зачетов и существует ли приказ «Наполеона» по этому поводу.

Через несколько дней «штабист» сообщил мне, что приказа нет, это точно. Просто решили немного «пошутить» – припугнуть. Хороши у ментов шуточки! Человек на них корячился весь срок, а они, гады, решили еще и поиздеваться.

Я, все это узнав, и обрадовался, и расстроился. Обрадовался потому, что муки

Серегины скоро заканчивались. А расстроился потому, что мне приходилось дотягивать свой срок уже без Сергея, и это не давало мне покоя. Так уж, видимо, устроен человек, что не дает ему покоя чужая удача. Но мой случай – особый.

Сергею я, конечно, ничего не сказал. Все-таки я не был уверен в достоверности этой информации – от этих ментов можно ожидать всего. И я не хотел обнадеживать Сережу понапрасну. Но вскоре его самого вызвали в штаб, к начальнику оперчасти. Кликуха у того была «Лиса». Он провел с Сергеем беседу – с запугиваниями, с угрозами. Но Лис понимал, что на Сергея это все слабо действует. Поэтому сошлись на том, что если Серега попадет еще раз с каким-нибудь ножом, то с него не только все зачеты снимут, но и новое дело сошьют. На барак Сергей вернулся от опера сильно приунывшим. Таким я его еще никогда не видел.

– Сережа, что с тобой? Ты на смерть похож. Что эти суки тебе там наговорили?

– Заваривай, сынуля, – ответил Сергей. – За чаем и поговорим.

Я быстро сварганил чай и приготовился слушать друга. Он и в самом деле был сильно подавлен, поэтому я уже не хотел лезть к нему с вопросами. Лучше было помолчать и ждать, когда Сережа придет в себя и захочет сам со мной поделиться. Мы

выпили чай, есть Сергей отказался, хотя я и приготовил еду довольно вкусно. И продолжил:

– Не дадут, бляди, дожить спокойно до конца срока. Берут за горло и вяжут по рукам и ногам. За почти пять лет я никогда не позволял ментам диктовать мне свои условия, свои правила игры, никогда их не боялся и готов был идти в ШИЗО, в ПКТ хоть на полгода, вплоть до «крытки». И вот сейчас, Саня, не выдержал. Слишком близка и соблазнительна свобода, а я уже так устал сидеть. Хоть ты-то меня понимаешь, а?

– Ну зачем ты спрашиваешь? Сам ведь знаешь.

Я действительно очень хорошо его понимал и еще битый час уговаривал «остепениться» – бросить этот вшивый ширпотреб и спокойно досидеть оставшиеся три месяца. Я попробовал предложить Сереже варианты.

– Давай что-нибудь придумаем. Давай ты «закусишь» на свой желудок (Сергей в зоне успел нажать себе язву) и ляжешь в санчасти до конца. Я тебя буду проведывать... Ты согласен, а? Сереж?

– Сынок, что ты несешь?! Проведывать! Да я умом там тронусь без тебя и от безделья! Да и что ты сам будешь здесь делать, без меня? Ты ведь знаешь, каким ядом козлы на тебя дышат. И все из-за этой

проклятой хозобслуги, я думаю. Пока я на зоне, в бараке, в бригаде, тебя здесь никто ни словом, ни пальцем. Но стоит мне уйти, тебя ведь съедят прямо с костями. А до июля все они, эти козлы, должны уйти на свои «химии».

– Во-первых, Сережа, на мне теперь не только кости, вот уже и мясоросло, сам говорил. Во-вторых, ты все равно освобождаешься раньше меня. А козлы разве что соли мне насыплют. Из токарей меня никто не выгонит – я точу все, абсолютно все и с закрытыми глазами. Чья школа! Ну, разве что внесут меня в общий список по уборке барака. Что в этом страшного? Как-нибудь добыю свое.

– Вот именно что «как-нибудь». Мне даже и подумать об этом страшно. Короче, гори они огнем, эти зачеты. Завтра же иду в цех, начну делать нож и затем «попадусь» с ним. Мне к ШИЗО не привыкать.

От этих Серезиных планов я пришел в неопиcуемый ужас, поэтому буквально сквозь слезы стал выговаривать ему:

– Ну я, конечно, знал, что ты двинутый на всю свою голову, но не думал, что до такой степени. Я очередные твои 15 суток не выдержу – у меня «крыша поедет». У меня и так мозги набекрень, когда ты там сидишь. Да и вообще, ты соображаешь, что ты мелешь?! Это ж не 5 дней, даже не 5

недель – это целых 5 месяцев! И ты готов ими пожертвовать, чтобы козлы на меня не наезжали? Забудь и думать об этом!

– Да, я готов. Я готов с тобой еще 5 лет отсидеть.

– Я тоже. Но для этого надо на новый срок раскрутиться. В общем, так, Сережа: если ты – не дай Бог! – это сделаешь, я не буду с тобой разговаривать и вообще... попрошусь на другую зону. Пойду в штаб и пожалуюсь на тебя. Скажу, что ты меня истязасшь и заставляешь член в рот брать. Ну, я найду, что сказать.

– Заставляю?! – Сергей засмеялся, засмеялся так звонко, так искренне и легко, что и у меня этот его смех вызвал ответную улыбку. – Да тебя за уши не оттянешь!

– Дурак ты, Серега, и шуточки твои дурацкие, – сказал я вполне серьезно и нахмурился, изобразив оскорбленное достоинство.

– Ладно, сынок. Не сердись на меня. Я ведь хочу как лучше. Что-нибудь придумаем, как тебя уберечь от этих козлов. – И он начал излагать свой план. – Для начала надо Виталику письмо на больничку переправить – спросить, не собирается ли он возвращаться в зону. Но это, я думаю, не лучший вариант. Виталик такая хитрая лиса, не хуже нашего опера, что просто ужас. И не дурак он. Боюсь, что он догадывается,

чем мы занимались в каптерке и в кабине-те у Длинного. У него у самого что-то в этом роде было, он мне как-то по пьянке признался, да я тогда этому значения не придал. Короче, попробую я тебя на 10-й барак перевести. Там и земляки у тебя есть. Стоят они уже неплохо, в обиду не дадут. Работать будешь на токарном, но только по дереву. Это и проще, и интересней. Но перевести тебя туда будет не так-то просто. Я ихнего отрядного совсем не знаю. Он как-то без ширпотребя обходится.

– Да, – согласился я с Сергеем, – земляки у меня на 10-м свои в доску. Двое из них даже из нашего района, с Гражданки, Вовка с Петроградской, а Сашка Соколов с Васи.

– С кого? – не понял Сергей. – С какого такого Васи?

– Да с Васильевского острова. Ленинград состоит из островов. Васильевский – самый старый и самый большой, на нем практически и основался Петербург. Но самое первое строение города – Петропавловская крепость – находится на Заячьем острове. В белые ночи, Сережа, да и вообще, можно с ума сойти от красоты!

– Ничего, держись, сынок, скоро и ты все это снова увидишь. А я...

– Вот ты ко мне и приедешь. Я тебе все, Сережа, покажу – весь город. И погу-

ляем с тобой по всем моим любимым местам. А на Финском заливе!.. Нет, это надо видеть! Словами не передашь.

– И не передавай. Я сейчас не об этом думаю.

– А о чем?

– О тебе, конечно. Таких, как ты, больше нет. Ты у меня единственный и самый лучший дурачок. Иди сюда, поцелуй меня и посмотри своими похотливыми глазками.

– Ой, ладно, тоже мне! Еще неизвестно, у кого из нас глазки похотливее. Иди, глянь на себя в зеркало, – сказал я, притягивая к себе Серегу. – А вот теперь я тебя хочу. И никуда ты, милый, сегодня от меня не денешься.

– Вот приучил на свою голову!

– Сам виноват – сам и расхлебывай.

– Ничего. Мне до июля всего ничего осталось. А вот ты будешь здесь еще без меня локти кусать.

Я насупился, изображая подобие гнева:

– Ты, Сережа, договоришься, что я лично как-нибудь сдам тебя с потрохами Флинту (наш старший оперативник. Кстати, в отличие от всех других наших ментов он был умным и не подлым человеком, и начальник оперчасти всегда умудрялся оформлять Сергея на сутки именно в отсутствие Флинта. Что-то Флинту нравилось в Сергее, но с какими-либо просьбами он к нему никог-

да не обращался. А бывало, и говорил ему: «Ты, Образцов, совсем мышей не ловишь, нюх потерял. Они тебя тут все до единого с говном смешают. Побереги себя, Образцов. С твоими руками и головой в академии учиться надо, а не по тюрьмам маяться. Выберешься – иди учиться. Я помогу.»)

– Флинтю? Ха-ха! Ты меня еще ДПНК Ширяеву сдай.

ДПНК – дежурных помощников начальника колонии – у нас было двое постоянных: маразматический и уже в годах майор Кандыба – хромавший на обе ноги и вечно обо всем забывавший и в общем беззлобный мужик, и... Вторым постоянным ДПНК был молодой старлей Ширяев. Впоследствии он стал отрядным по причинам, о которых я могу лишь догадываться. О Ширяеве стоит сказать особо.

Внешности он был обыкновенной. В зоне, при первом впечатлении, все смотрится одинаково. Это только потом, уже отсидев какое-то время, начинаешь улавливать в лицах и в глазах людей нечто отличное от других, свое, индивидуальное, объясняющее слова и поступки. Между теми, кто сидит, и теми, кто охраняет, тоже – на первый и даже на второй взгляд – мало разницы. И только в определенном общении, в столкновении характеров и интересов начинаешь видеть каждого в отдельности и

оценивать человека. А бывает, и очень часто бывает, что так и не поймешь человека, кем бы он ни был, даже при длительном общении. Ширяев же был молчун. На зоне его было почти не видно и никогда не слышно. Появится на утренней и на вечерней проверках, иногда придет к разводу на работы, в качестве ДПНК зайдет в столовую, в клуб, в ШИЗО и ПКТ – и все молча. Другие кричат, орут, угрожают, достают зэка по всякому поводу. А он, Ширяев, как бы и не видит нас. Потому в зоне он имел репутацию среди зэков самую замечательную: «Ширяев – человек».

Я часто сталкивался с ним тогда, когда заходил к Васе Пономарю в библиотеку. А библиотека у нас была классная: производство давало зоне неплохие деньги, и на большую их часть наш замполит закупал в библиотеку самую разнообразную литературу. Это в нем осталось еще с политзоны, куда его направили на работу после академии и откуда, когда политиков стали постепенно освобождать и изгонять на Запад, он пришел уже майором на наш «общак».

Так вот Ширяев часто посиживал в нашей библиотеке. Василий говорил, что он готовится к экзаменам в юридический институт. А поскольку на зоне каждый виден – и зэк, и его охранник, то и мы не могли не заметить странную дружбу

Ширяева с одним из заключенных, или точнее – с одним из осужденных по 121-й статье. А что такое в лагере эта знаменитая статья, думаю, все знают. В нашей зоне только он один и сидел по этой 121-й.

Зэк тот был из Москвы. И тоже какой-то странный. Ему было чуть за тридцать. Он был интеллигентный, со всеми доброжелательный, и, должно быть, очень умный. Он очень быстро поставил себя в зоне и среди зэков, и среди начальства, которое относилось к нему с некоторым даже почтением, так что все как-то сразу забыли о том, что осужден он по такой статье. А когда открылось, что сидит он за политику (а открылось это очень просто: в зону попал журнал «Огонек», в котором об этом человеке писали как о политическом диссиденте и яром противнике советской власти. Возможно, именно эта статья в «Огоньке» и спасла ему жизнь в лагерях и тюрьмах), и когда все вдруг увидели, что наш замполит – при всех! – здоровается с ним за руку, все ошалели. Кем он был по образованию, я не знаю, но только все в зоне шли к нему, когда требовалось обжаловать приговор или написать помиловку. И однажды именно по его помиловке из зоны ушел один зэк. Ну тогда, сами понимаете, ни о какой 121-й и речи не возникало. Жил он со всеми в отряде дружно и даже спал на лучшей койке. Наша «крутизна»

лагерная его уважала, хотя он ни с кем особо не общался. Кроме одного молодого парня – лагерного художника-литовца, которому он впоследствии помог освободиться по УДО, через полсрока. После того, как этот художник освободился, он и вообще замкнулся в себе и общался только с Ширяевым. Их часто видели вдвоем в библиотеке, и Пономарь сказал мне, что этот политик помогает Ширяеву в английском.

Я заметил, что когда я появлялся в библиотеке, политик сразу же отрывался от книги, если был один, и долго смотрел на меня, чуть улыбаясь своими умными глазами из-под красивых очков. Я почему-то смущался, любопытство и желание заговорить с ним притягивали меня к нему, но, зная о его статье, я, дурак, все же остерегался общаться с ним. Я тогда подумал: «Ширяеву можно. Он что – пришел и ушел. А мне тут еще кантоваться и кантоваться». А потом, когда Сергей уже освободился и моя тоска по нему иссушила меня, этот зэк как-то сам подошел ко мне в столовой и тихо сказал: «Берегите себя. Вы еще так молоды! И я уверен, ваш друг вас дождетя». И все. Больше ни единого слова. И мне после этих его слов стало легче. А на «вы» ко мне еще ни разу в жизни, кроме как судьи, никто не обращался. Это поразило меня.

«На дворе был месяц май»

Зона находилась на высоком холме, и барак наш был расположен прямо возле предзонников и заборов. Выглянув из окна последнего пятого этажа барака, можно было увидеть весь город как на ладони. Я часто сидел на подоконнике и смотрел куда-то вдаль, думал о чем-нибудь своем, или вообще ни о чем, или обо всем сразу, потому что именно весна, самое ее начало, побуждают нас задумываться сразу обо всем. А Сережа в это время, как обычно, сидя рядом у окна на тубаре, что-то мастерил, время от времени бросая на меня свой взгляд, полный любви, нежности и одновременно исполненный грусти и тоски. Приближалось время его освобождения, поэтому мы чаще молчали – молчали днями, ночами могли не проронить ни звука. Нам было хорошо просто от того, что мы были рядом. Мне кажется, что мы даже излучали какое-то невидимое тепло. А ведь счастливых людей замечаешь скорее, нежели людей несчастных, и поэтому, когда вдруг мимо нас с очередным нарядом вдруг проходил все тот же Ширяев, он нам улыбался. Бывает же такое!

На дворе был май месяц, и вокруг все цвело и благоухало. Зимой в зоне всех охватывает какое-то унынье, безысходность, усталость, постоянно хочется спать – все

равно где, хоть даже стоя. А весной и летом, но особенно весной, вдруг поднимается к горлу тоска по воле, по дому, по друзьям, по городу, где ты родился и вырос. Душа в лагере повинуется весне и тоже как бы расцветает, оттаивает, просыпается. Тянет ее куда-то – гулять, веселиться, влюбляться. Но вынужден сидеть и гнить в этой гадкой душегубке.

С приходом весны наша с Сергеем туга друг к другу вспыхнула с новой силой. Мы совсем голову потеряли – трахались и на работе в складе, и на бараке, когда все уходило в баню или в кино по воскресеньям. А с баней, между прочим, и вообще получился цирк.

Поначалу все было в порядке. Мы друг другу терли спины и т.д. – в бане все так делают. Но с каждым разом нам обоим становилось все труднее и труднее сдерживаться, да и не хотели мы сдерживаться. У Сереги были друзья в котельной, которая находилась совсем на отшибе – в дальнем углу промзоны.

У них там была великолепно оборудованная душевая – почти что сауна. И мы вдвоем стали ходить туда мыться чуть ли не ежедневно, но только ночью, когда на 2-й смене. 1-я же смена – это сущий ад. Днем полно оперов, ничего нельзя сделать, даже из цеха лишний раз выйти. А на 2-й – ти-

шина и покой. Поэтому тоже было нормально, что мы каждый раз после работы шли мыться – работа по металлу очень грязная, да еще жара летняя началась. Да и не только мы туда, в котельную, ходили мыться. Ходили и другие, кто заодно, конечно, и мылся. Люди ведь живые, а живое тянется к живому с непреодолимой силой.

Мы закрывались в этой душевой и часа два вполне спокойно, никого не опасаясь, занимались любовью. Тем более что в котельной работали мужики уже в возрасте. Ожидать от них каких-то подозрений было глупо (хотя почему так уж и глупо?). Впрочем, у них, у этих мужиков, была одна забота – чай, чай, чай. Серега их этим чаем подогревал от души.

Там-то, в этой душевой, и испытали мы все прелести греха, а от того, что грех этот был запретным, он становился еще слаще и сильнее, и мы были еще желанней друг другу, буквально растворяясь один в другом. Запретный плод, говорят... Да еще какой запретный, по лагерным-то понятиям!

«А время неумолимо бежало»

Время для нас теперь действительно бежало, а не тянулось, как это обычно бывает в тюрьме. И я все чаще начинал задумы-

ваться над тем, что же я буду делать без моего Сережи – без моей любви к нему, без его, порой грубоватой, но такой пленительной нежности, без его шершавых ладоней, словно водопад, спускавшихся с моих бедер, превращавших мою кожу в шелк и приводящих всего меня в дрожь... Все эти размышления наводили на меня ужас и возвращали даже физически в то состояние, в котором я находился морально до того, как этот сильный и красивый парень выхватил меня из тьмы мне подобных в этой жуткой и жестокой жизни.

Я все говорил Сереже, я не мог молчать и держать это в себе – молодость ведь так эгоистична и жестока порой, даже во взаимной любви!

И Сергей тоже молчал в ответ, стараясь прятать от меня свои чудные глаза, но я видел, как на них появлялись слезы. Ему было еще мучительней, чем мне, я знал и признавал это. Да и что он мог мне сказать?! И тогда нам обоим становилось тяжело, очень тяжело, и мы спешили еще и еще раз украсить у нашей любви лишнее мгновение. Жизнь была великодушна к нам и дарила нам такую возможность именно тогда, когда мы в ней нуждались. У нас на бараке затеяли ремонт, от чего мы с Сергеем пришли в безумный восторг.

Дело в том, что нары на время ремонта

выносились в коридор – там все и спали. У нас же появилась как раз эта самая возможность – закрываться на всю ночь в каптерке и оставаться там вдвоем, что мы и делали. Так как Серега был «крутой», то он мог себе это позволить, и никто не смел ему это запретить. Что же до каптерщика, то Серега заплатил ему чаем, сигаретами и даже деньгами, и тот уходил спать к своим землякам в котельную. А я вроде как за компанию, вместе с Сергеем. Тем более что наши козлы обосновались в соседней каптерке, поселив вместе с собой самого симпатичного и самого чистоплотного «петуха». Ну, для каких целей – понятно. Наверное, чтобы утром цветы поливал и по вечерам колыбельные им пел.

Ремонт тянулся недели три. А куда ээку спешить? Погода отличная, можно лишний часок и в локалке на свежем воздухе на скамейке посидеть, поиграть в домино, да и просто так отдохнуть в тишине и покое.

Чем мы там, в этой каптерке, ставшей нам родным домом, занимались, я, конечно, описывать не буду – и ежу понятно. Если уж мы умудрялись на работе, в складе, да с оглядкой в душевой, то что уж говорить-то о новых условиях! Мы просто пожирали друг друга своим желанием и любовью, не давая друг другу заснуть ни на минуту. А отсыпались на работе, за что

неоднократно получали «втык» от мастеров. Но что было делать?! Мы не то что за станками стоять – мы просто стоять на ногах не могли. Конечно, под конец смены мы просыпались (вернее, нас будили) и за час-два делали все срочные и аварийные детали. Но по большому счету нам было глубоко наплевать – и на детали, и на мастеров, и на «козлов», которые подходили к Сергею и ныли по поводу того, что мастера на них гавкают из-за нас и их «химия» может накрыться. А детали, между прочим, мы делали самые сложные, станки у нас были самые лучшие, и Сережа запретил всем остальным токарям даже приближаться к нашим станкам. Но свою работу мы в любом случае выполняли, что и требовалось. Ну, прямо бригада коммунистического труда!

«Мы что, стали настоящими гомосексуалистами?»

Как я уже говорил, наша зона была расположена на высоком холме. Сразу же за забором, за которым стоял наш барак, был крутой обрыв. Внизу протекала река, даже не река, а так себе, речушка, а за ней был большой парк с летней эстрадой, где проводились дискотеки. Умеют же у нас строить тюрьмы – непременно в самом центре

города, а лагеря – или на болоте в лесу, или прямо в эпицентрах культуры. Впрочем, если с единством партии и народа у партии всегда были трудности, то с единством народа и эзков – никаких проблем: сегодня – там, а завтра – здесь.

Из окон нашего барака виден был только город, начинавшийся сразу же за парком. И видно было, что Березники – город сплошь зеленый, насыщенный светом и радостью летнего пейзажа. Но парк и речка были видны только если залезть на чердак. Там у нас находилась самодельная телевизионная антенна, которую приходилось постоянно настраивать.

– Саня, хочешь увидеть, как малолетки девок трахают? – спросил меня однажды Серега. – Если – да, то давай через чердак на крышу.

– Ты что, мне пропуск на свободу выписываешь?

– Нет. Я в этой жизни могу многое, но не все. А мы вот сегодня на нашу крышу заберемся – и они, малолетки, нам с тобой эту свободу изобразят – в лицах и в позах. Ты же сам знаешь, по пятницам у них там дискотека. Так они напиваются до поросячьего визгу и натурально трахаются прямо на берегу. Там фонари, поэтому все сверху видно.

– А я, знаешь ли, не любопытен. Это ты, наверное, частенько туда лазаешь и зани-

маешься глупостями, глядя на них? Это, кажется, сеансом называется.

– Ну, пока тебя не «распечатал», бывало и такое. Но я давно уже там не был.

– Какой ты иногда бываешь пошляк, Сережа, – не вытерпел я и сказал ему, что я думаю по поводу его выражений. – И на чердаке, если тебе приспичит, меня не трогай: там полно стекловаты – будет, я думаю, не в кайф.

– Да... Надо бы, сынуля, мне твою попу побережь, она у тебя такая славная. Да?

– Ну, раз ты так считаешь, – отозвался я в тон Сергею, – то...

– Я хочу тебя в любую минуту, в любом месте и в любом виде, хоть и на облаках.

– Даже если эти облака из колючек?

– Да. А что?

– Я не имею ничего против. Только я чувствую, что мы с тобой конкретно «влипли» в это дело. Что мы будем делать, если на воле с девками будет не в кайф? Захочется с парнем, а где его взять? Так ведь можно и до самой смерти мучиться.

– Будем ездить в гости друг к другу.

– Ага. Как на случку – раз в год, да?

– Ну, зачем такие мрачные мысли?! Это же элементарная арифметика. Вот сколько у нас на зоне гех, кто трахается по собственному желанию? Из сотни, я думаю, человек 5–6, то есть каждый двадцатый. Вот

столько же примерно их и на свободе. Если очень захотеть, то можно найти себе друга.

– Сережа, – спросил я вполне серьезно, – мы что, стали настоящими гомосексуалистами?

– Ну, во-первых, не мы первые, не мы последние. А во-вторых, есть более подходящее слово – бисексуалы. Но я скажу тебе одно: если бы мне предложили выбор – ты или десяток классных девок, я выбрал бы тебя, даже не глядя на них. И знаешь, почему?

– Знаю. Только я выбрал бы тебя – и лучшую из этого десятка.

– Вот это и есть самая настоящая бисексуальность, когда и с девочками, и с мальчиками хорошо.

– А ты где всей этой премудрости набрался?

– Я, знаешь ли, все эти годы не только точил и пилил, а и книжки умные читал. И тебе советую. Когда освободишься, найди литературу на эту тему. Можешь и с «политиком» нашим об этом поговорить, уж он-то знает.

– А почему ты так считаешь, что он знает?

– Он мне как-то сказал, что хочет написать книгу о тюрьме на воле. Он так и сказал: книга будет называться «Парадоксы тюрьмы и гримасы свободы».

– А бисексуальность тут при чем?

– А при том, что в изоляции человек не перестает быть человеком, и в физической близости с товарищем по несчастью прежде всего ищет применения своим лучшим чувствам и качествам, которые были свойственны ему на воле. А животным такой секс в тюрьме, да и в армии, я думаю, тоже, делает традиция нетерпимости. Для случки, как ты говоришь, я мог бы вытащить из нашего гарема того, кого захотел бы я. Но мне нужно не хотеть, хотя и это важно, а любить человека, доверять ему, защищать его, помогать ему, беречь его от любого зла в этом гадюжнике. И я встретил тебя, вот. А как там со мной, с нами будет на воле – один Бог знает. Мы оба еще так молоды, Саня! Конечно, каждому нормальному человеку хочется иметь свою семью, свой угол, уют, домашнее тепло. Но здесь ты – моя семья. И отдаешь мне вместе со своим прекрасным телом свою чистую душу, а я взамен окружаю тебя моим теплом и защитой.

– Послушай, Сережа, а чем ты будешь заниматься на свободе?

– Не знаю. Посадили меня еще почти школьником. Скоро мне уже двадцать два, а я и жить не начинал. – И подумав о своем, он добавил: – Саня, давай не будем об этом. До свободы еще дожить надо.

На крыше действительно оказалось интересно. Пьяная молодежь бесилась и ду-

рела на дискотеке. Некоторые парочки уходили из общего стада в глубину парка, поближе к речке, и прямо на траве начинали заниматься сексом. Мы сверху видели все это и смеялись, как школьники. Они же выделявали такое, что даже нам с Сергеем было стыдно и неловко друг друга.

– Сынок, ты со своими подружками тоже такое творил? – почему-то решил спросить меня Сергей.

– Нет, Сережа, у меня не было так много опыта. Да и мой член интересовал их всех гораздо больше, чем язык или что-то другое.

– Могу себе представить! Они за тобой табунами бегали, да?

– Да пошел ты к чертям! Отстань!

– Чего ты?! Наоборот, твоей «штукой» гордиться надо, а не стесняться.

– А я не считаю, что эта «штука» – главное в жизни.

– Конечно, нет. У тебя есть и другие достоинства. И... И зачем ты, сынок, всегда такой серьезный? Ты с другими таким будь, а со мной – не надо. Расслабься.

– Сережа, я тебя... Ну, мне очень хорошо с тобой.

– Что ты хотел сказать? – насторожился Сергей. – Не бойся, говори.

– ...

– Ладно, идем вниз. Я уже не могу смот-

реть на это блядство. Здесь и в самом деле везде стекловата, а я хочу сейчас прижаться к тебе — сильно-сильно, и никогда, слышишь, никогда не выпускать тебя из своих рук.

И снова он мучил меня до утра, не выпуская, как обещал, из рук ни на миг. Я вдруг сызнава понял, как люблю я его руки, его тело, его губы!.. Мне нравились его прикосновение к моей коже, его чуткие пальцы, его сильные красивые ноги, его мужественная сила и готовность доводить меня до стонов, а себя до крика сквозь плотно стиснутые зубы. Я по-настоящему вошел во вкус такой близости и научился испытывать наслаждение в ночных играх с этим так сильно любимым и желанным парнем.

Первоначально, стесняясь друг друга, мы не включали свет, но чуть позже Сергей все же зажигал лампочку, предварительно набросив на патрон в виде легкого абажура какую-нибудь темную тряпку. И тогда мы видели друг друга, и любовались друг другом, и я восхищался тем, как вылеплен каждый мускул на Сергиной груди, как в этой хорошо развитой плоти оживает нечто более важное и значительное, чем просто физическая красота, и я понимал сердцем, что я люблю в Серее его умение оставаться ласковым и тихим в минуты наших восторгов и переживать их без всяких слов,

одними только движениями наших зрачков в этой полутьме.

Никогда больше ни с кем не повторялось такое, хотя и прошло уже столько лет со дня нашей разлуки. Я никогда никого так не любил, как любил моего Сережу. Любил там, где суждено было мне повзрослеть, стать человеком, научиться терпению, молчанию, благодарности, гневу, ярости, даже ненависти. Никто после Сережи не давал мне столько счастья, и, наверное, ни с кем после него не был я так открыт и распахнут, так бескорыстен и честен, так чист и прост. И никогда уже не буду. Ибо счастье является нам в нашей жизни, я в этом уверен, только однажды, и все последующее, что переживается нами иногда как счастье, есть лишь в той или иной мере копия того, чем были мы наполнены в юности. Открывшиеся мне в лагере однополюые отношения, прежде так пугавшие, побудили меня иначе смотреть на жизнь людей и на себя, конечно. И в том, что мне видно теперь, я нахожу много подлинного, настоящего, стоящего того, чтобы это распространить на все сущее в мире. А видна мне только Любовь, то есть то, что образует все краски жизни со всеми ее огорчениями, утратами, слезами и отчаянием. Жизнь, понял я, конечно, ужасна. Но и прекрасна!

«И вот наступила эта последняя наша ночь»

Срок заключения у Сережи подходил к концу, а значит, неумолимо приближался день и час освобождения. Сергей и сам все сильней и сильней ощущал дыхание близкой свободы. И это дыхание вносило в его облик и поведение те очевидные изменения, которые невольно готовят узника к новой жизни. Да и я стал постепенно меняться: неосознанная еще тоска и страх остаться без Сережи, пусть даже и на непродолжительное время (в зоне полгода – не срок уже!), внушала мне беспокойство, вновь раскручивала нервы. Мы и в кагтерке-то не заживались слишком долго, как бы понимая, что чем мы неразрывнее, тем больше будет отрываться друг от друга, тем дольше не заживет эта рана. Да, приближался этот день... Я и дни в календарике зачеркивал каждый вечер, творя при этом некую молитву, текст которой был мною сочинен и затвержен навечно. Мы специально избегали разговоров на тему близкого Сережиного освобождения: я – из боязни и страха думать об этом, а он, должно быть, – уносясь своими мыслями в предстоящую жизнь, о которой он за время, проведенное в неволе, знал мало или не знал совсем ничего.

В июне мне исполнилось 20 лет. Отметим-

ли мы этот день почти как на воле, даже спирта удалось в санчасти добыть 200 граммов. Стол бы шикарный по лагерным меркам, и все усилиями Сереги. И даже подарки были – те самые общеизвестные зэкам подарки, которые в подобных случаях делают на зоне «кентам». Трусы, носки, мыло какое-нибудь «центряковое» – короче, все самое необходимое. Но Сережа и в этом случае поразил меня своим вниманием и заботой.

Кроме перечисленного он подарил мне очень хорошие зимние высокие армейские ботинки, замечательную пуховую куртку, сшитую специально для лагеря – с виду это была обычная зэковская фуфайка, только гораздо теплее (у нас была дурноватая зона, показная, «красная»: нужно было строго соблюдать форму одежды). Такую же шапку – под «зэчку», но тоже очень теплую. Портсигар с чеканкой и с моими инициалами. Брелок из разноцветного плексиглаза – внутри, в бесцветном масле, плавал маленький кленовый листик. На одной стороне была выгравирована моя фамилия, имя и отчество: «КОРОЛЕНКО Александр Николаевич», а на другой – начало и конец срока. Нож-выкидуху, тоже с моими инициалами – очень красивый, и, конечно, не боевой, а сувенирный. И крестик на шею – изумительной работы, из технического золота, с серебряным Иисусом.

Последние четыре предмета Сережа сделал, разумеется, своими руками, которые я был готов целовать без конца. И когда он успел все это сделать и как от меня скрыл — ума не приложу. Ведь мы постоянно были вместе, и ночью, и днем. Когда он мне все это вручил, я был на седьмом небе от счастья. И Сережа, видя это, тоже радовался, как ребенок. Видимо, душой он не был подготовлен к простой человеческой благодарности и теперь, когда я ухватил его за шею и стал в слезах целовать, очень смутился: «Да что ты, сынуля! Это все ерунда. Это для меня сделать было — раз плюнуть. Да не реви ты так, не реви...»

И вот наступила эта последняя наша ночь. Мы пришли после 2-й смены (помылись мы, конечно, в котельной), поели и уселись друг против друга в каптерке, закурили...

Я чувствовал, что вот-вот снова разревусь. Надо было что-то говорить. Но как? Ком стоял в горле.

— Сынок, может, спать пойдем, — вымолвил Сергей, прекрасно понимающий мое состояние.

— Дома отоспишься! — психанул я. — Какой может быть сон! Ты завтра уйдешь — и я останусь совсем один.

— Я знаю. Но ты ведь будешь плакать. Я не могу на это смотреть, у меня сердце рвется на части.

— Лучше сейчас, чем завтра, при всех.

– Ни сейчас, ни завтра. Нельзя. Можно будет только тогда, когда за ворота выйдешь. А здесь – нельзя. Здесь ты среди чужих. На них слезы действуют, как красная тряпка на быка или как кровь на акулу. Разорвут моментально, и оглянуться не успеешь. Забудь об этом до своего часа.

– Я не буду плакать, – тихо сказал я и попросил: – Поцелуй меня.

– Ну, иди ко мне, только рубашку снимии.

– И ты снимии.

О, он еще никогда меня так не целовал! Время для меня остановилось, и я вновь провалился в бездну.

Он что-то шептал мне, но я уже ничего не слышал, только стонал, когда его ладони трогали все мое тело...

Очнулся я на полу, на тех самых шинелях, на которых все и произошло в первый раз. Сергей лежал рядом, положив свою красивую голову на мое плечо, и слегка гладил меня по груди и животу. Я приподнялся и поцеловал его. Он улыбнулся:

– Спасибо, сынок.

– За что?

– Мне еще никогда не было так хорошо, как только что.

– Мне тоже. И никогда, наверное, уже не будет.

– Зачем ты так говоришь? Тебе ведь только 20. Все еще будет. Такой человек,

как ты, с такой душой, с таким сердцем, как у тебя, достоин такой же чистой любви. Вот увидишь, Саша, все это у тебя будет. Дай Бог тебе встретить человека, который оценит тебя и ответит тебе тем же. И совсем неважно, кто это будет – парень или девушка. Любовь, дорогой ты мой, всегда любовь – всегда и будет любовью. Так что все у тебя еще впереди, сынок. Не унывай.

Всегда не слишком разговорчивый, Сергей неожиданно продолжил, и теперь его слова были для меня новыми. Даже звуки были другими – ясными, точными, без того привычного в зоне налета кажущейся легкости и необязательности, к которым, увы, быстро привыкаешь и перестаешь ценить внятную человеческую речь:

– Я счастлив, что заметил тебя среди этого сброда и помог тебе сохраниться в этом безумии. Все-таки четыре с половиной года не прошли для меня даром, и я научился разбираться в людях. И рад, что ты не впитал ни эту мораль, ни эту душевную тьму, ни эту грязь и жестокость. Может быть, за всю мою еще короткую жизнь я тоже успел сделать доброе дело. Ты и твоя любовь ко мне, сынок, – тому доказательство. Поэтому и я, уже с твоей помощью, Саша, освобождаюсь из этого ада не зверем, а человеком. Спасибо тебе именно за это, дружок.

Держись, очень тебя прошу. Не опус-

кайся здесь без меня. С отрядным я договорился. Эту неделю еще походишь на работу, а с понедельника и до конца срока будешь у него писарем. Будешь сидеть только на бараке и писать ему отчеты и всякую муть. Мозги у тебя есть, пишешь ты грамотно – справишься. Если кто-то скажет, что, мол, запахло на ментов работать – сразу скажи Андрею, завхозу. Он тебя уважает, ты сам знаешь. В обиду не даст. Я с ним говорил, и он сказал, что разорвет любого, кто тебя тронет. Андрюхе через год освобождаться, он меня знает, мы земляки. Если что не так будет – я ему на воле... Да я его там просто грохну. Но и ты будь на стреме: слишком близко его к себе не подпускай. Мало ли что у него там на уме. Он мужик чуткий, кажется, ситуацию нашу просекает.

Денег тебе оставляю 300 рублей, себе возьму сотню на дорогу, да и на счету у меня пара сотен есть. Как раз нам пополам с тобой. На сигареты до февраля тебе хватит. А если вдруг деньги понадобятся, подойди к Ширяеву и скажи ему прямым текстом. Он со мной свяжется, он ведь тоже из Кунгура, так что все будет путем.

Шмотки на зиму у тебя есть. Да и мама твоя на свиданку ведь еще приедет – привезет, что будет нужно. Короче, перезимуешь.

Ну, это все, что я смог для тебя сделать, Саня.

Да, если кто станет выпрашивать, чем это мы с тобой в каптерке занимались, то знаешь, что отвечать – ширпотребом. А если будут намеки – сразу бей в морду. И будешь абсолютно прав. Любой порядочный и авторитетный человек тебя защитит и поддержит. Главное, не вешай носа, держись с достоинством и заставь себя уважать. Но сам сильно не высовывайся. И все будет хорошо. Ты ведь у меня молодец! Все ловишь на лету. Ты продержишься, я уверен.

Как бы там, на воле, у меня не сложилось, мне тебя будет очень не хватать – я ведь так к тебе привык. И знаешь, Саня, странное ощущение у меня: тебе осталось сидеть совсем пустяк, а мне все кажется, что ты только пришел в лагерь и я тебя учу здесь жить. А теперь идем, сынуля, на улицу. У меня есть для тебя сюрприз.

Поднявшись с шинелей, мы быстро оделись и вышли в локалку. Ночь была чудесной. Чистое теплое небо, луна, море звезд, запахи лета и пронзительная тишина, только с реки доносилось пение лягушек и шум кузнечиков. В такие ночи становится или очень спокойно и радостно на душе, или охватывает тоска и грусть. А ведь это была наша последняя ночь, когда мы были вместе. Утром он уходил навсегда.

– Сережа, что ты опять придумал? – спросил я его, зная, каким бывает он иногда неожиданным.

– Вернись, Саня, в каптерку и возьми две кружки, а я в подвал схожу.

От подвала у него тоже был ключ. Когда я вернулся, Сергей уже сидел прямо на травке за бараком и держал в руках литровую полиэтиленовую флягу.

– Что это такое?

– Марочный портвейн «Массандра».

– ???

– Иваныч еще неделю назад принес, и я в подвале спрятал. Причем я его не просил – он сам. Он сказал, что это нам с тобой, отмечать мое освобождение. Кстати, если вдруг надо будет письмо отправить без цензуры – выйдешь на работу и обратишься к нему. Мы ведь и так всегда через мастеров ксивы перегоняем. А я его предупредил. Он тебе все делает. К Ширяеву обратишься только в крайнем случае. Каким бы он ни был, Ширяев, а сам понимаешь – мент.

Но я вдруг ни с того, ни с сего испугался и поэтому спросил Серегу:

– А ты представляешь, что будет, если нас менты сейчас повяжут с этим вином?

– Ха-ха! Не бери в голову. Тебя – в ШИЗО, а меня разве что обстригут наголо. Да не тушуйся ты, сегодня как раз ДПНК Ширяев. Он, наверное, сейчас у себя на

КПП или спит, или свой английский зубрит. Да и до проверки еще долго. Наливай. Да пойдем еще в каптерку. Я тебя сегодня, наверное, съем.

Мы пили вино, целовались, обнимались и молча смотрели друг в друга. Я вспоминал, как у нас все началось. И сколько же мы провели таких вот бессонных ночей — просто глядя друг на друга, друг другу в глаза! Если бы нас приговорили к пожизненному, но посадили бы в одну камеру, я уверен, мы были бы самыми счастливыми на этом свете людьми.

Наступило утро. Барак проснулся, и начался обычный лагерный день. Мы были в каптерке. Я грел воду, чтобы Сережа побрился. А он сидел за столом и переписывал в записную книжку адреса всех своих кентов по зоне.

— Сынок, обязательно пиши мне. Ты знаешь, я писать не умею и, может быть, не всегда тебе отвечу. Но ты пиши.

— Конечно, буду писать, Сережа.

Но я тогда еще не ведал, какие муки мне это сулит. Ведь письма идут через цензуру, и их читают. Я не мог написать всего, и переписка, едва начавшись, прекратилась.

А к Иванычу я не обращался...

Санкт-Петербург, 1994

Содержание

«А теперь уходи»	9
Впервые в «Крестах»	11
Мои «прогулки»	13
Я – «химик»	16
«Хозобслуга»	19
«Этап»	21
«Приехали»	23
«Так вот об этой сетке...»	25
«Ширпотреб»	28
«Передовики производства»	31
«Сергей Образцов»	33
«Ночной разговор»	40
«И началась моя новая жизнь»	48
«А жизнь продолжалась»	53
«И вот однажды»	56
«Но я считал, что это плохо»	61
«И я поцеловал его прямо в губы»	69
«Заснуть мы так и не смогли»	74
«Мне было и радостно, и тревожно»	82
«На дворе был месяц май»	97
«А время неумолимо бежало»	99
«Мы что, стали настоящими гомосексуалистами?»	102
«И вот наступила эта последняя наша ночь»	110

Г. Трифонов

Сетка. Тюремный роман. — СПб.: ИНАПРЕСС,
2005. — 120 с.

ISBN 5-87135-164-6 УДК 882

ББК 84(2Рос-Рус)6

Трифонов
Геннадий Николаевич
СЕТКА
Тюремный роман

Сдано в набор 11.08.04. Подписано к печати 09.01.05.

Формат 70x90/32. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 5,4.

Заказ № 1052.

Издательство ООО «ИНАПРЕСС»

С.-Пб., Невский пр., 74.

inapres@peterlink.ru

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие «Искусство России»

198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.

«Тюремный роман» Геннадия Трифонова рассказывает о любовном чувстве, которое может преодолеть любые препоны. «Сумерки» замкнутого учреждения, где разворачивается романная коллизия, не искажают логику эмоций, а еще сильнее «озаряют» искреннее и человеческое в героях, которые оказываются неодолимо связанными друг с другом.

ISBN 5-187135-164-6

